

Ю. КАРИМОВА О. ШУМИЛИН

«Z.E.T.»

Авторы: Ю. Каримова, О. Шумилин

«Z.E.T.»

Освободителям Донбасса посвящается

***ПЬЕСА для ТЕАТРА
в 2-х действиях***

Оренбург
Издательство «Полиарт»
2022

УДК Р2
ББК 84(2=411.2)6-4
К 23

Каримова Ю., Шумилин О.

К23 «Z.E.T.»: пьеса для театра / Юлия Каримова, Олег Шумилин. –
Оренбург: Издательство «Полиарт», 2022. – 58 стр

Писатели Ю. Каримова и О. Шумилин являются авторами
следующих литературных произведений:

- «АПЕЙРОН» – научно-фантастический роман (608 стр.),
- «СКАНЕР» – приключенческий роман о разведчике (628 стр.),
- «АЛГОРИТМ» – приключенческий роман о бизнесмене (624 стр.),
- «БЛЯХА» – юмористические мемуары служивого (368 стр.),
- «ЮЛДУЗА» – детские рассказы (148 стр.),
- «ФАБРИКАНТЪ» – пьеса для театра (100 стр.),
- «ПСЫ» – фантазмагория (126 стр.),
- «ПСЫ» – пьеса для театра (83 стр.),
- «ДОЧЬ» – комедия, пьеса для театра (80 стр.).

Часть книг размещена в библиотеке Президента России.

Авторы: Ю. Каримова, О. Шумилин

«Z.E.T.»

Освободителям Донбасса посвящается

ПЬЕСА для ТЕАТРА

в 2-х действиях

С нами БОГ! Да будет воля твоя.

*Все в мире весьма переменчиво. Веками мы ищем ответ,
Как нашу Отчизну Священную суметь оградить от всех бед.
Сменяются вехи мятежные, рождая истории ход,
Лишь два неизменных понятия – РОДИНА и ПАТРИОТ!*

Ю. Каримова, О. Шумилин

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Алексей Добров (44 года) – житель Мариуполя.

Оксана Прилужная (36 лет) – жена Алексея Доброва.

Егор Тимофеевич Знаменосцев (87 лет) – бывший преподаватель вуза, математик.

Глеб Дубник (38 лет) – военный корреспондент.

Андрей Гнилюк (30 лет) – член националистического батальона.

Алёна (27 лет) – медсестра из роддома.

Кира Яновна Ольхова (40 лет) – актриса Мариупольского театра.

... Действие 1 ...

Сегодня, завтра... вчера

ГОЛОС за СЦЕНОЙ:

Все в мире весьма переменчиво. Веками мы ищем ответ,
Как нашу Отчизну Священную суметь оградить от всех бед.
Сменяются вехи мятежные, рождая истории ход,
Лишь два неизменных понятия – РОДИНА и ПАТРИОТ!

Занавес закрыт.

Мариуполь. Перед занавесом стоят два стула. Перед стульями лежит открытый чемодан, из которого виднеются с верхом наваленные вещи. С одной стороны сцены в другую мимо чемодана суетливо бежит женщина – Оксана Прилужная, впопыхах закидывая в чемодан один за другим разные элементы одежды, то и дело ударяясь пальцами ног о ножки стульев. Ступая медленно, вразвалку, на сцене появляется ее муж Алексей Добров, просматривающий что-то в сотовом телефоне.

Оксана Прилужная (*запыхалась кружить вокруг чемодана, застыв с кофтой в руках, воскликнула возмущенно*). Лёша, в кинци кинцив! Подивися на него! Руки в штани и ходить тут. Ты думаешь вообще ихати чи ни?! Якши ни, так лягай и спи! Або мне одной це потрібно!

Алексей Добров (*отрываясь от телефона, спешно убирает его в карман*). Собственно говоря, чего ты кипятишься, Ксана? Машина готова, стоит вон внизу у подъезда. Лыжи на крыше закрепил, амуниция в багажнике. Жду, когда ты чемодан соберешь, тогда снесу и его тоже.

Оксана Прилужная (*в сердцах бросает кофту в чемодан*). Ну так бери и неси, чого ждешь?

Алексей Добров (*удивленно указывая на раскрытый чемодан*). Вот те на! Он вроде и не собранный еще.

Оксана Прилужная (*тыча пальцем на чемодан*). Цей – конечно, не зибраний! Указала ведь, вон в дитячий комнате готовый стоит.

Алексей Добров. К чему нам столько вещей, Ксан? Мы всего на неделю едем. У родителей в Ростове-на-Дону тоже надолго не задержимся. Ты же знаешь, мне всего десять дней отпуска дали, 6 марта в смену на заводе заступать. Так что сильно не разгуляешься.

Чуток взбодримся и снова пахать.

Оксана Прилужная. Ах ты дурнык, Лёша! Ты хоть коли-небудь меня слушаешь? То для Златы и Милослава вещи. Дети перший год из дому уихали, а он уже про них и думать забыл. Чого порожняком ихати. Донька целый список надиктовала, що ей из дому привезти. Я кажу ей: «Вот приидеешь на каникулы, тоды и заберешь що тоби потрібно». А она дивись, чого надумала... я, говорит, летом до дому не поиду, а у бабушки з дидом останусь, буду работать цим... як его... ну, що в Турции всех развлекают.

Алексей Добров. Аниматором?

Оксана Прилужная (*пытаясь сложить вещи аккуратнее*). Так и есть. Аниматором чи вожатым в дитячем лагере. Як тоби такое нравится?

Алексей уходит в детскую комнату и возвращается с чемоданом.

Алексей Добров. Ешкин кот, а что в этом плохого-то? Дочка приняла хорошее решение. Это тебе не в кафе всяким выпивохам тарелки подносить и не в пивнухе воблу предлагать. А вожатый – это нормально, никакой тебе похабщины, прогулки на свежем воздухе, веселье, игры с детьми.

Оксана Прилужная (*возмущенно всплеснула руками*). Погляди на него, розумний какой выискался! Злата сама дитина малая, рано ей еще гроши зарабатывать, или мы зовсим нищие, что своих дитей накормить не можемо? Вот побачишь (*потрясла указательным пальцем*)... она и брата своего Милослава с пантелику собьет.

Алексей Добров. Фу-ты ну-ты! Ксан, оставь детей в покое. Как начнешь страху нагонять, так не остановить. Ты же сама всю жизнь воспитателем в саду трудишься, вот Злата, на тебя насмотревшись, к детям и тянется.

Оксана Прилужная. Лёша, не йди от разговора. Дай слово, що с донькою поговоришь. Не по сердцу мени – слишком ранняя вона птаха, а братик во всем ее слушае. Боязно... нияк в чужий стране учатся, в России. Не хочется, щоб ридни дити чуждыми стали.

Алексей Добров. Не вопрос! Поговорю. Только чего бояться-то? Не одни они там, а с моими родителями. Да и страна эта нам не чужая! Мы такие же славяне, только от России безголовыми бездарями оторванные. Пластинку-то свою смени. Сколько лет живем, столько и споров бессмысленных... кто главнее, кто умнее, кто сильнее. (*Отмахнулся.*) Надоело! (*Пытаясь закончить разговор, Алексей, лукаво подмигнув, улыбнулся.*) Давай лучше про борщи твои разговаривать, они у-у-ух какие наваристые да вкуснющие. Вот тут у нас спору никогда не возникнет. А лишний спор – лишняя склока.

Оксана Прилужная (*нарочито хмыкнув*). Так тут и спорить нема про що! Украинске це блюдо – и точка! А якщо ти будешь спорить, так я и слухати тебе не стану!

Алексей Добров. Чтобы спорить, Ксана, нужно знать, про что говоришь. Щи борщевые еще в XVI веке кушали в Великом Новгороде при Иване Грозном. А в Великой и Малой России они вообще появились лишь в XVIII веке. Хочешь – слушай, хочешь – нет, а историю если не знаешь, так и не лезь в драку-собаку.

Оксана Прилужная. Дела мени ниякого немае до твоей брехни! Стильки времени на ней втратили! Вчора еще должны были виихати, з-за тебе задержались! Дмитро с Яниной ранком на «Роза Хутор» приихали. Вже и в готель заселилися, и на лижах катаются. А мы як були, так и е – ни попереду ни ззаду.

Алексей Добров. А я-то чего, я ничего. Сама знаешь, почему вчера не могли выехать, машину нужно было проверить, движок послушать, тормоза, да подвеску посмотреть. Как-никак двое суток ехать до Красной Поляны и обратно столько же. Это хорошо, если погода не подведет. Слышал, сильные осадки в Сочи прошли, таяние снегов обильное, реки поднимаются, как бы из берегов не повыходили.

Оксана Прилужная (*сплюнув*). Типун тобі на язык. Ничого каркати заране. Уж нам откататься бы на лижах, а пияся нас хочь потоп. Моя хата з краю. Головне – щоб снig лежав. (*Вздыхая.*) Ох, втомилася я в этом дитячом саду, сил моих немае. Со своими диточками нелегко, а уж с неродными тем бильше. (*Потянувшись.*) Як отдохнуть-то хочеться! Поскорее бы побачити горы... сосны... белоснежны вершини... Краса, да и тильки!

Алексей Добров. Ксан, ёк-макарек, так заканчивай языком трепать! А то не стану тебя больше ждать! Один уеду. Чувствую, что ты до завтрашнего дня не управишься. Как ты собиралась вчера выехать, если у тебя даже сегодня ничего не собрано?

Оксана Прилужная. Батюшки мои... подивися на него! Я ж ще й виновата! Це ты тильки про себе думаешь! А у мене про всех голова болит. Чемодан упакуй, дитям вещи та сладости збери, батькам твоим подарки накупи. Или ти с порожними руками ихати собрался? (*Уперев руки в боки.*) Якшо тобі делать ничего, так виднеси пока в машину вон ти велики сумки с подарунками, а потом до этих чемоданов прийдешь.

Алексей послушно берет сумки и уходит.

Оксана Прилужная (*захлопнув чемодан, пытается закрыть замок, но у нее ничего не выходит. Тогда она садится на него верхом и задумчиво застывает*). Чуе мое сердце, не нужно було Злату и Милослава вид себе видпускати. И у нас в Мариуполе университет е, а не хочешь тут – так в Киеве вчися. Так ни ж... все це пропаганда отцовска. Вже двадцать роки в Украине живе, а украинцем так и не став. И детей наших з пантелику

збивае. Вони всього полгоду в Росії пожили і вже слідом за батьком твердять: «Ми все брати-слов'яни. І віра у нас одна, і історія». Вот ж поганка маленька, нахапалася всякої дурости... Ох, що ж дали буде?.. Просила ж Лёшу в Європу їх видправити. І віза там не потрібна.

Возвращается Алексей. Оксана указывает ему взглядом, что нужно закрыть замок. Вдвоем они быстро справляются. Алексей поднимает чемодан, другой рукой хватает второй и собирается идти.

Оксана Прилужная. Лёш, і куди ти побег?

Алексей Добров (*немного раздраженно*). Едрён батон, ну что еще, Ксан?

Оксана Прилужная (*опускаясь на стул*). Присядемо на дорожку.

Алексей Добров (*присаживаясь, подшучивает*). Вот тётя-мотя, это еще зачем?

Оксана Прилужная. Будто ти не знаєш! Так с давних времен у православных повелось. (*Задумавшись.*) Чи то молитву перед дорогою читали... чи то домовюка обманывали... чи то нечисту силу видваживали.

Алексей Добров (*подтрунивая*). Здрасти-мордасти. Ты же говорила, что теперь на Украине новая «православная» братия зародилась. Значит, не ваши это обычаи, так и садиться на дорожку незачем.

Оксана Прилужная. Ох і шкидливый ты людина, Лёша! Вера християнська, вона одна на всих. Тут различий немає.

Алексей Добров. Вот ёлы-палы! Ты уж определись тогда, Ксан, один мы народ или нет?

Оксана Прилужная (*раздраженно*). Неможливо з тобою говорити! Вставай і поихали вже! (*Хотела вскочить, но снова грустно осела обратно.*) Сил немає, як хочеться дітей побачити, соскучилась дуже. Быстрее б вже приихати. (*Вздыхнув.*) А це – вже якщо Бог дасть.

Алексей Добров (*приобнял жену*). БОГ даст, Ксан, как же иначе. Чего ты вздумала сомневаться, а? (*Продолжил шутливо на украинский манер.*) Жинка моя ненаглядна... Скоро Злату с Милославом обнимем, я родителей своих, наконец, навещу. А потом ка-а-ак отправимся мы с тобой на долгожданную горнолыжку... с друзьями встретимся, хинкали с хачапури покушаем, пивка попьем с жареной барабулькой. Э-э-эх, медок мне в роток, аж слюнки потекли! И я точно знаю, что никакие твои приметы... ничего нам с тобой, Ксанка, не сможет помешать. *НИ-ЧЕ-ГО!*

Медленно гаснет свет. Тишина. Слышно, как завелась машина, тронулась с места и стала отъезжать, судя по удаляющемуся звуку мотора, который вскоре и вовсе потонул в тишине.

Раздается оглушительный грохот. Слышатся удары гранатомета, артиллерийские выстрелы, прилеты снарядов, взрывы.

Включается свет. Занавес открыт. Небольшой подвал обычного двух-подъездного дома. Бомбоубежище. Тускло горит единственная лампочка. На сцене трое: Алексей Добров, Оксана Прилужная и Егор Тимофеевич Знаменосцев.

Алексей Добров *(лежит на раскладушке, принесенной из дома).* Сколько можно который день об одном и том же, Ксан, угомонись уже. Что случилось, то случилось. Такие вот кренделя! Кто ж знал, что оно так выйдет? Будто ты – око всевидящее!

Оксана Прилужная *(стоя у раскладушки и нависая над Алексеем).* Никто не знал, и я не всевидюча! Тильки якби загодя, за день раньше виихали, так и не застряли б тут! Зараз сидела б зи своими дитятками в обнимку, та не знала цього ужасного страху. А все ти! Все в останий момент делаешь. Неужто не можна було твою колимагу заранее пидготувати, знав же ж, что в отпуск ихати! Зла на тебе немає! Очи б мои на тебе не дивилися!

Алексей Добров. А ты и не смотри, я не зеркало, чтобы в меня постоянно смотреться. Не было у меня времени машиной заниматься. Форс-мажор на заводе случился в доменном цеху, одна из печей чуть из строя не вышла. Вот меня и вызвали почти на сутки перед самым отъездом.

Оксана Прилужная. Можно подумати, окромя тебе бильше работать некому було. Мастер вищого разряду без ордена! Ось! Тепер получи! Вот тоби гори заснижени! *(Оксана обвела руками подвал.)* Вот тоби чистий *(несколько раз показательно вдохнула носом)* морозний воздух! Вот тоби ароматна барабулька. *(Она сунула Алексею под нос кулачок с дулей.)*

Знаменосцев *(сидит на табурете и что-то вырезает ножичком из деревянного бруска).* Кхе-кхе! *(Привлекая к себе внимание, медленно, с расстановкой.)* Будет вам, Оксаночка. Все, что прошло, позади осталось, и оборачиваться незачем... ничего уже не изменить. Самое неблагоприятное и мучительное дело – оглядываться и сожалеть о том, что сделано или... не сделано. Что бы вас сейчас ни расстраивало – отпустите и надейтесь на лучшее.

Оксана Прилужная (*резко обернувшись*). Ви зараз серьезно говорите, Егор Тимофеевич?! На що нам надеяться? Машины-то бильше немає, а другу ми вже не купимо! (*Снова разгневанно развернувшись к мужу.*) А все ти! З-за тебе задержались тут! И еще страху натерпелися такого, що до веку не забути! (*Снова обратилась к Знаменосцеву.*) Подумайте тильки, виихали ми из Мариуполя до кардону, що в районе Весело-Воскресенки, через полтора часа пидъеджаемо, а нам назустричь выходить полковник (*задумалась*)... як там його звали, Лёш?

Алексей Добров. На кой он мне сдался, запоминать его. Что он заноза в пальце, чтоб о нем голову ломать.

Оксана Прилужная (*нервно махнув рукой*). Вично вид тебе ниякой допомоги! (*Хлопнула себя по лбу.*) Вспомнила! Пидходить до нас полковник Петрук Василь Адрианович и каже: «Ми поидимо на передову на вашій машини. Це приказ головнокомандувача!» И тычет нам пид нос своею зброєю. Як вам такэ подобается? Що ми могли сделать?! Видибрали у нас машину, а нас посадили в автобус и видправили назад до дому. И як тепер жити?.. (*Громко, повысив голос.*) Лёша, що ти мовчишь?!

Алексей Добров. Что я мог сделать? Сама видишь, что в стране творится. Сейчас, будь ты хоть трижды прав, все одно ничего не докажешь. (*Алексей тяжело вздохнул и с досадой махнул рукой.*)

Оксана Прилужная. Тильки и можешь, що рукою махати! Як машину свою будемо шукати, погана твоя голова?!

Знаменосцев. Не о том беспокоитесь, Оксана. Лучше подумайте, как вам повезло. Вы живы – а это важнее любой материальной ценности. Тем более уж машины. Ведь все могло закончиться для вас намного страшнее.

Оксана Прилужная. Так ми за нее ще даже кредит не виплатили! Що може бути страшнише?!

Знаменосцев. Что может быть страшнее? Война, деточка. Война.

Оксана Прилужная. Ой, та яка там вийна! Постриляють недельку и заспокоються. (*Снова обращаясь к Лёше.*) Це все твои коммунаки виноваты! Тридцать рокив почти минуло, а все ниякого життя вид них немає! Вже посрамилися бы!

Алексей Добров. Ума не хватает, так уж замолчи, Ксан. Уж столько лет прошло, а ты все коммунистов хаешь! И с чего им вдруг срамиться? Мои дед с бабкой коммунистами были, родители – комсомольцами. И никому из них не стыдно, слышишь?! И мне не стыдно! Вон какую страну отгрохали – СССР. Начхать на тех, кто толкует, что мы не

братья. Единым народом были, им и останемся. Одной страной рожденные!

Оксана Прилужная. И де вин твий СССР? Раз! И лопнув як куля. Брехун ти, Лёша, и дитям нашим свои басни рассказываешь, а вони вирият тобі и тоже повторяють цю дурницю. У нашего стародавнього народу хочете видибрати нашу древню историю.

Знаменосцев *(не отрываясь от выпиливания фигурки, начал медленно растолковывать)*. Вы бы, Оксана, к мужу прислушались. Прав Алексей. Здесь нет никакой мифологии или предположительной гипотезы. Всего лишь чистая история, подтвержденная фактами, благо у человечества достаточно достоверных источников. Ведь это было не так давно, а береста со стилем давно канули в Лету, уступив место бумаге, ручке, фотографиям и даже кинокамерам. Нет у нашей Украины никакого «древнего происхождения», и все мы когда-то были русским народом, проживающим в Малороссии и Новороссии на окраине Царской империи. Когда большевики пришли к власти, Киев провел Совет не в пользу красных, и тогда они сделали ставку на Харьков, Луганск и Донецк, и даже дали название – Украинская Советская Социалистическая Республика. А чтобы наверняка заручиться их поддержкой, определили им весьма объемные границы. Эти земли никогда не были украинскими, но тогда это никого не беспокоило на пути к общему светлому коммунистическому будущему. Выходит, государству, в котором мы сейчас живем, Ленин жизнь подарил, а ему все памятники сносят. Непорядок... Так-то вот, Оксаночка. Историю не стереть, не убить и не выжечь каленым железом. Жаль только, что ее нельзя исправить, в этом случае многих жертв можно было бы избежать.

Алексей Добров. Профессор, жму вам руку. Если вам удастся Ксанку вразумить, я ваш должник. Хотя готов поспорить на любые деньги, это никому не под силу. Мне потребовалось двадцать лет, чтобы понять, что это невозможно, и махнуть рукой на это гиблое дело.

Оксана Прилужная. Глянь на нього! Так и не жив би зи мною... чого мучився? *(Снова обратилась к Знаменосцеву.)* И ви туда ж, Егор Тимофеевич! Як ви говорите? История? Так ось що я вам скажу, история ця ваша – погана дело. Ту байку, що більшовики придумали, я даже слухати не стану. Я тоже не малого розуму и нещодавно читала книгу нашого українського вченого историка... чи то Белик, чи Беник, не пам'ятаю...

Алексей Добров *(перебивает жену)*. Ксан, может, не надо? Пощади Егор Тимофеевича. Я-то привык, а он не выдержит глубины твоих знаний.

Оксана Прилужная. Отчепися вже вид мене, репейник! *(Подсела к Знаменосцеву.)* Так ось наше происхождение вид древних скифиф-ариев, з роду будинов, що жили на території Сумської та Чернігівської областей. Це найдавніша цивілізація.

Знаменосцев даже оторвался от своего занятия и недоуменно воззрился на

Оксану. Алексей громко застонал.

Оксана Прилужная. Так! И ось вам доказательство! Имя нашего роду збереглося в названии наших мист. Це Буда — на Чернигивщині, та Середина-Буда — на Сумщині. Наши корни проходят через всю историю людства. Даже Античный свит получив название вид украинського племени антив. И Христос, и Нефертити говорили на нашій мові. А предки у нас представники Трипольської цивілізації і з VI тисячоліття до нашої ери розселилися в Європі, Азії та Африці. А релігійно вировання було не слов'янське, а був культ Бога Сонця/Аполлона. И ми єдинственні творці Київської Русі.

Знаменосцев громко поперхнувся.

Алексей Добров (Знаменосцеву). А я вас предупреджал. *(Обращаясь к жене.)* Ксан, ты забыла добавить, что древние гомо сапиенс носили вышиванки и баловались горилкой.

Знаменосцев. Оксана, откуда вы набрались этой духовно-интеллектуальной низости? Я бы даже сказал — исторической паранойи... самостийного умопомешательства.

Оксана Прилужная. Не хочу разбираться в ваших зарозумелих словах... тем більше ви математик, а не историк. Тільки в шкільних підручниках з історії також написано. По-вашому, їх дурні писали?

Знаменосцев: Нет, не дураки. А те скудоумные правители, что в конечном итоге на осколках своих амбиций и тщеславия привели государство к тому... что мы сидим здесь в этом подвале без еды и воды, вздрагиваем от раскатов грома орудий, снова боремся с паскудным бесчеловечным фашизмом и надеемся на то, что от дикого горя и черных слез никто не сойдет с ума.

Оксана Прилужная. Буде вам пугати! Як нормальна людина може зійти з розуму?

Раздается дикий грохот, залпы орудий, звук разорвавшейся мины и тихий стук в подвальную дверь. Алексей напрягся. Знаменосцев глазами указал, что дверь нужно открыть.

Алексей Добров. А стоит ли, Егор Тимофеевич?

Знаменосцев. Стоит, Алексей. Может, кто укрыться хочет от снарядов. Если это освободители — хорошо. Если нацисты — все равно дверь выломают.

Алексей подошел к двери и осторожно отодвинул щеколду. В подвал вошла худенькая девушка (Алёна), нежной славянской внешности, в большом, не по размеру, светлом платье в мелкий цветок и накинутой теплой шерстяной кофте с мужского плеча.

Пшеничные длинные волосы, свисая по щекам, прикрывали лицо. Ее заметно трясло.

Знаменосцев. Вам плохо? Может, помощь какая требуется? Или вы ранены?

Алёна. Там... там... б-б-бомбят. Я б-б-бежала.. а там в-в-все дрож-ж-жит... а мне и идти-то н-н-некуда... м-м-мамы теп-п-перь нет-т-т... и п-п-папы нет... дома н-н-нет ... а я в-в-вот есть...

Знаменосцев (*перешел на «отеческое» обращение*). Успокойся. Здесь тебе ничего не грозит и тебя никто не тронет. Как звать-то тебя, величать?

Полоумными глазами Алёна начала озиаться по сторонам.

Оксана Прилужная. Як тебе кликати-то? Памятаешь чи ни?

Алёна. З-з-звать? (*Задумалась.*) С-с-сейчас... я знаю... п-подождите. Я с-с-сейчас вспомню. Т-т-только не говорите ник-к-кому. Б-б-бежать надо.

Знаменосцев (*удрученно покачав головой, вполголоса*). Да тут помощь медицинская требуется. Что делать будем, Алексей? Надо девочку срочно эвакуировать в госпиталь. Не в себе она.

Алёна. Н-н-нет!!! Д-домой! Мне нужно д-д-домой! (*Увидев, что Знаменосцев хочет что-то сказать, торопливо опередила его.*) Н-не надо в госпиталь! Я з-з-здорова. (*Она взяла себя в руки, выпрямилась, расслабилась и продолжила спокойным тоном.*) Смотрите, я совершенно спокойна. Вот я стою перед вами. Алёна... меня зовут Алёна. Я медсестра. Роддом, в котором я работала, подвергся обстрелам. Там... там ужас... крики... стоны... солдаты с автоматами... страшно.

Затем молча, испуганно озираясь, Алёна прошла вдоль всего помещения и забилась в угол, обхватив себя руками и уткнувшись лицом в стену.

Оксана Прилужная (*вопросительно взглянула на мужа. Тот только неопределенно пожал плечами. Тогда она подошла к девушке*). Ти як тут оказалась? У нашому райони я тебе николи не бачила. (*Не дождавшись ответа.*) Як тебе сюди занесло? Ти чуєшь мене чи ни, малохольна?! (*Прикоснулась рукой к плечу девушки.*)

Девушка дернула плечом и только сильнее сжалась в комок.

Знаменосцев. Оставьте, Оксана. Захочет пить – напоим, голодная – накормим, будет что рассказать – выслушаем. А пока не тревожьте ее, пусть в себя придет. О-хо-хо, сейчас всем нелегко будет. Сильные станут еще сильнее, а вот слабым придется тяжелее. К сожалению, ни у тех, ни у других нет иного выбора, как принять данность. И ждать.

Одно можно сказать с уверенностью... наша жизнь, как и наше сознание, больше не будут прежними.

Алексей Добров (*крайне удрученно*). Да, Егор Тимофеевич, видать, захехлились мы тут надолго.

Оксана Прилужная. Чому це надовго? Я не збираюся тут як бомж торчати, ще пару днів и додому піду, як тильки стреляти перестанут.

Алексей Добров (*грубо*). Уймись уже свиристелка! До дому она пойдет. Нет у тебя никакого дома! И идти нам больше некуда!

Оксана Прилужная (*замерев на месте*). Як так немає ніякого будинку? Що ти кажеш таке? Будто тобі горилка в голову вдарила? М-м-м... (*Позирительно наклонила к Алексею.*) Так и е... ти сьогодні додому за продуктами и водою піднімався, а с порожніми руками повернувся. Ніяк самогонку захованну знайшов? (*Всплеснула руками.*) Ось я ненормальна, одного тебе видправила. Тому ти мене з собою и не взяв, казав, що це опасно. А я не могла зрозуміти, що ти так довго, самогонна твоя душа! Говори, де бутіль знайшов?

Алексей Добров (*разозлившись*). Нацисты твою самогонку выпили. С них и спрашивай!

Оксана Прилужная. Знову ти про нацистів свою пісню завив. Прямо вони тобі поперек горла стоять. Немає у нас ніяких нацистів, сто разів тобі говорила.

Алексей Добров. Брось, Ксанка, вздорить об этом! Будто в Одессе в доме профсоюзов не нацисты заживо сожгли сорок восемь человек? А танки у нас во дворе сейчас среди мирняка кто пристроил?

Оксана Прилужная. Це не нацисти, а захисники нашої незалежності.

Алексей Добров. Вот походи и посмотри, что твои «захисники» с нашей квартирой отчубучили! И еще поклон им отвесь за заботу.

Знаменосцев (*напряженно*). Алексей, что-то не так? Никак не возьму в толк, чего ты как в воду опущенный вернулся. Может, расскажешь, что случилось?

Алексей Добров. А-а... пропади все пропадом! Не о чем тут толковать особо. (*Помужски, жестко махнул рукой.*) Нет у нас больше квартиры, вот и весь сказ!

Оксана Прилужная (*медленно обойдя его со всех сторон, остановилась*). Лёш, я не можу зрозуміти... ти справди п'яний, або що? (*Обернувшись.*) Егор Тимофеевич, може, ви поясните, що з ним таке?

Знаменосцев (*глядя в упор на Алексея*). Под утро был оглушительный взрыв. Сверху все заскрежетало, и на секунду показалось, что все этажи сложатся. Это был прилет по нашему дому?

Алексей Добров. Да, лупят они по нашему дому, как и по другим уже десятки, а то и сотни раз. (*Обратился к Оксане.*) Благодарение заступникам твоим, чертям полосатым!.. А тут вышел я за продуктами, гляжу, посреди двора танк стоит. Напротив него еще один, видать, вышел неожиданно, своих не признал и пальнул на поражение с близкого расстояния. Как страх глаза застит, так не то еще вытворишь. У первого танка башню напрочь снесло, а второй, видимо, уже с воздуха следом вертолеты подбили. Видно, что точечным ударом разнесло машину в хлам, только воронка осталась и куски металла покореженные. Поднимаю я глаза наверх, гляжу на наш дом и вижу: нет оконного проема, вся дочкина комната как на ладони. Кровать ее поковерканная, белый медведь с нее ростом, что на 16-летие подарили... сидит он все так же в углу... только без головы. А посреди комнаты куча железа. Видимо, от взрыва. (*Алексей нервно взъерошил волосы на голове.*) Такой вот ексель-моксель!

Оксана Прилужная (*погружаясь в шоковое состояние*). Як билий ведмидь без голови?.. А що ж ми тепер Златочке скажемо? Вона ж без нього заснути ніколи не зможе... (*Со слезами на глазах пытается осмыслить услышанное.*) Лёш... разве може людина ось так зараз же без житла залишитися? Куди ж нам йти тепер?.. Куди ж диточки наші прийдуть? Немає у них тепер рідного дому?.. (*Оксана медленно опустилась на раскладушку, где лежал Алексей, и ошоломлено затихла.*)

Знаменосцев (*обращаясь к Оксане*). Не стоит так убиваться, доченька. Пройдет время, и вы осознаете, что в нашем сегодняшнем положении все материальное не дороже ломаного гроша. Война – безумное испытание... для детей, для матерей, для отцов, для воинов и для каждого из нас. И не только потому, что сейчас мы слышим разрывы снарядов и видим разрушенные дома, а потому, что по окончании ее придется жить с этими воспоминаниями, которые вполне очевидно поменяют наше мироощущение. Кто-то станет добрее и милосерднее, а кто-то озлобится и осквернится душой. Не дайте себе ожесточиться, нужно копить силы, чтобы строить новую лучшую жизнь. А сейчас думайте лишь о том, что ничего не является большей ценностью, чем человеческая жизнь. Вы живы – и это первостепенно.

Оксана Прилужная (*обозленно поднимаясь с места*). Вам легко миркувати! Ви один и вам без різниці, где жити... в каморки або в пидвале. Вам вже нічого не потрібно! А у нас діти! И як тепер життя з початку зачинати?! Чого мовчите?!

Алексей Добров. Дети-то уже с нами не живут, сами свою жизнь будут устраивать. И это... Ксан, ты язык-то попридержи! Не с подружками у подъезда балакаешь.

Оксана Прилужная. А ти мени рот не затикай! Не вірю я, що квартиру нашу разбомбило! Чуєш?! Зараз сама пиду и подивлюся! Ішть який вишукався, хоче моих дитяток без дому залишити! *(Оксана подрывается и бежит к подвальной двери.)*

Знаменосцев *(вдогонку Оксане).* Оксана, остановитесь! Выходить на улицу – это самоубийство. Ведь важно только одно – ваши дети в безопасности!

Оксана, игнорируя Знаменосцева, бежит к двери, Лёша подрывается за женой. В этот момент раздается громкий стук, слышится истошный женский голос: «Откройте, пожалуйста, не бойтесь! Я ищу своего ребенка!»

Алексей открывает дверь, в подвал вваливается Лариса Яновна Ольхова, актриса драматического театра. Руки и лицо ее черны от сажи, на ногах порезы от осколков, вокруг которых следы засохших кровавых подтеков.

Кира Яновна *(обращаясь ко всем).* Девочку не видели?! Девочку двенадцати лет. Богдана, может, встречалась вам? *(Она вытащила из кармана сотовый телефон и, высветив фотографию, стала подносить ее к лицу каждого присутствующего.)* Посмотрите внимательнее, может быть, мельком видели? Мне бы хоть что-то узнать о ней. Я понимаю, сейчас люди мелькают десятками туда-сюда в поисках своих родных, укрытий, спасаются от обстрелов. Но вдруг... вдруг она попадалась вам на глаза. Мне бы только надежду, что она жива... Я ничего... совсем ничего о ней не знаю...

Кира Яновна вдруг замечает худенькую Алёну, свернувшуюся калачиком в углу. Она набирает полную грудь воздуха и, издав дикий вопль, бросается к ней.

Кира Яновна. Богдана!!! Малышка моя!!! *(Понимает, что ошиблась.)* Простите, простите, ради бога... Мне показалось... В каждой девочке мою Богданочку вижу. У нее такое же платье есть... белое в цветочек. И волосы... пшеничные. *(Она долго пыталась прийти в себя, затем в сердцах разрыдалась от безысходности.)* Да что же это такое?! Что за кощунство над людьми? Почему?! Почему я должна в страхе бегать и искать своего ребенка. И не знать! Не знать, жив он или мертв?! Господи, да как же в один миг наша страна превратилась в убийцу своего собственного народа?! Откуда появились эти дикие звери, что не щадят ни женщин, ни детей, ни стариков?! И кругом, куда ни глянь – смерти... смерти... смерти!

Оксана Прилужная. Хто вам таке сказав, що ми сами себе вбиваємо? То русские ворожи снаряди летять по наший земли. Це вони війну розв'язали.

Кира Яновна *(гневно глянув на Оксану, сжав пальцы в кулаки, прошипела сквозь зубы, чеканя каждое слово).* «Ворожи снаряди»?! Вражеские снаряды летели в августе 2014-го в Зугрэсе по детскому пляжу. И сейчас летят по нашим мирным домам. Войну развязал официальный Киев. А нас защищают те, кто никогда не простит этих невинных смертей в Донбассе, кто отомстит за насилие и издевательство над нашими жизнями и

никогда не предаст и не продаст ни свой народ, ни страну, ни вечную память! И не будут прикрываться нами как щитом, тыча автоматами в наши незащитные спины! Ах... да что вам говорить! *(Кира Яновна отмахнулась от Оксаны.)* Вы же жизни настоящей не знаете, выросли на гнусной украинской пропаганде! *(Она резко дернулась к выходу из подвала, но оглушительный взрыв заставил ее остановиться.)*

Оксана Прилужная *(полушепотом в сторону)*. Ще одна малохольна.

Алексей Добров *(обращаясь к Кире Яновне)*. Куда лыжи наострили? Не слышите, обстрел начался капитальный. Шаг за дверь – и размажет вас по стенке.

Знаменосцев. Верно говорит Алексей. Обожди, дочка, не знаю, как тебя по имени-отчеству. Жизни лишиться завсегда успеешь. Присядь, остынь. Видать, не зря по судьбе нам даются такие паузы. Когда нужно остановиться и понять, что человечество идет не туда и не с теми. Шагает не на свет, а во тьму.

Кира Яновна *(пытаясь прислушаться, что делается за дверью подвала, чтобы выскочить наружу, когда смолкнет канонада)*. Кира меня зовут, Кира Яновна Ольхова. Запомните. Вдруг девочку мою где встретите, скажете, что мама ее ищет. А мне некогда тут хорониться, да и не смогу я сидеть и ждать. Сердце рвется на части от безызвестности и бездействия.

Знаменосцев *(снова взялся вырезать фигурку)*. А я Егор Тимофеевич. Ты, Кира Яновна, не суетись и не майся. Присядь рядышком. Думаешь, лучше будет, если ранит тебя или, чего доброго, погубит шальная пуля. Дурной снаряд, он ведь не выбирает, кого жизни лишить, нет в нем ни души, ни сердца, ни разума. А дочери твоей потом мать никто не заменит.

Оксана Прилужная *(пытаясь проявить сочувствие)*. А як ви дочку-то свою потеряли? Чого сильно переживати? Не маленька... 12 рокив, велика вже дівчинка. Імя, прізвище, адрес свій знає, все одно до дому повернеться, як стихне.

Кира Яновна. Да некуда больше возвращаться! На верхних этажах нашего дома засели нацисты, согнали мирных на нижние этажи и вели снайперский огонь. Когда часть из них ликвидировали, а часть убежала, доблестные воины в отместку не придумали ничего лучше, как выпустить по дому снаряд. Три этажа нашего подъезда сложились как карточный домик... Успела ли моя девочка уйти, я не знаю. Может быть, и ее больше тоже... *(Кира Яновна, обхватив голову руками, громко застонала.)* М-м-м...

Оксана Прилужная ахнула и приложила ладони к губам. Знаменосцев так сильно вонзил ножичек в брусок, что тот скользнул по дереву и, выскочив из его рук, упал на пол.

Алёна (*зашевелилась в углу и гулко отозвалась*). Мои родители также погибли. Их под завалами нашли уже бездыханными.

Оксана Прилужная. Тьфу, дурна дивчинка. Чого ти пид руку говоришь?!

Алексей Добров. Пустое дело вы затеяли, Кира Яновна. Сейчас из бомбоубежища носа высунуть нельзя. Гремит похлеще чем в Ёперном театре. Сидите пока тут тише воды ниже травы.

Кира Яновна. Сколько, скажите на милость, здесь сидеть?! День?! Два?! Неделю?! Нет... Я не могу... Я должна искать мою девочку! Лучше уж погибнуть, чем сидеть тут в неведении!

Кира Яновна пытается выйти, но дверь подвала распахивается. Внутри заваливается высокий худощавый парень в военной форме ВСУ, с нашивкой украинского флага на правом предплечье, при полной амуниции, с автоматом в руках. Плечом он навалился на стену, будто ему тяжело стоять. Увидев направленное дуло, все присутствующие застыли в оцепенении. Парень щелкнул затвором, Кира Яновна отпрянула назад.

Знаменосцев (*не поднимаясь со стула и не бросая своего занятия, спокойным ровным тоном*). Здесь все мирные. Ты, милок, оружием-то не бряцай. Видишь, женщины здесь. Не в том месте решил игрушкой своей побаловаться.

Андрей Гнилюк. Ты мне дед не указывай! Твое дело армию нашу поддерживать и помогать.

Оксана Прилужная. Що ви, Егор Тимофійович, не визнали? Це ж збройни сили України. Захисники наші. (*Обращается к Андрею.*) Як тебе звати?

Андрей Гнилюк. Андрей Гнилюк. Военные в подвале есть? Сколько вас тут? (*Кивнув в сторону Алексея Доброва.*) А ты чего не при оружии?

Оксана Прилужная. Та немає тут нияких вийскових, ми мирни вси. Нас всього п'ятеро тут. Ось Егор Тимофійович, муж мий Лёша, та ще дві жінки. А Лёша мий не вийсковий, він в литейном цеху на «Азовстали» трудиться.

Андрей Гнилюк. Ничего, скоро тоже пойдет против москалей-оккупантов биться. А пока сюда иди, Лёша, дай опереться. До топчана дойти. (*Андрей сделал шаг вперед на свет, и все увидели, что он ранен в ногу. Из раны сочится кровь. Обратился к Кире Яновне.*) А ты чего тут встала?

Кира Яновна. Мне нужно идти.

Андрей Гнилюк. Я буду решать, когда тебе можно будет идти. Пока все останутся на своих местах.

Знаменосцев (*вполголоса*). Кира Яновна, присядь вот на стул подле меня. Все одно в городе сильно неспокойно. Ты послушайся старика, не время сейчас будить лихо. Присядь.

Кира Яновна послушно прошла к Знаменосцеву и опустилась на стул рядом с ним.

Андрей Гнилюк (*увидел, что Алексей не спешит ему на помощь*). Ты чего, друг, берега попутал? Топай сюда, говорю. Или ты ватник недобитый? (*Вскинул автомат.*)

Оксана Прилужная (*подталкивая Алексея*). Та який ватник?! Вин наш местный хлопец. Всю жизнь в Мариуполи живе!

Алексей подошел к Андрею, и тот, опершись на его плечо, на одной ноге доковылял до высоких полатей и занял удобное положение, не выпуская из рук автомат.

Андрей Гнилюк (*постанывает. Снова обращается к Алексею*). М-м-м... Давай-ка помоги мне рюкзак снять, бинты достань, нужно ногу перевязать. Чёрт, кацапы проклятые, зацепило все-таки. Глянь, чего там у меня?

Алексей послушно помог Андрею снять рюкзак, затем опустился на колено, задрал ему штанину. Повисла секундная пауза, после чего Алексей почувствовал рвотный рефлекс. Он подскочил, дернулся в дальний угол подвала, где его вывернуло наизнанку.

Андрей Гнилюк. О-о-о, брат, да ты девка непорченная, тьфу! Дрянное дело, скажу тебе, мужицкие причиндалы носить, а мужиком не быть.

Оксана Прилужная. Та нормальный вин мужик, просто крови боится. Як палец пориже, так в обморок падае. (*Она со страхом глянула на ногу Андрея и поморщилась.*) А у тебе кровища тече без зупинки.

Андрей Гнилюк (*Алексею*). Хорош за бабьим языком прятаться. Затвором щелкну, вся боязнь вылечится как по щелчку. (*Андрей громко расхохотался.*) Ну что, Лёха, будем тебя лечить? (*Лицо его вдруг сменилось маской жестокости и злобы, и он снова поднял автомат.*)

Оксана Прилужная (*спохватившись*). А чього, Лёша? У нас тут медсестра е! Эй, малохольна, йди солдата нашего пораненного перевяжи!

Алёна (*с дрожью в голосе*). Я... я только уколы м-м-могу делать и системы в-в-внутривенные подключать.

Алёна повернулась и устремила на Знаменосцева напуганный взгляд.

Знаменосцев (*поднимаясь со стула*). Сиди, Алёна, сиди. Я сам перевяжу. Тут ранение серьезное, не для женских глаз и рук. А у меня опыт имеется. Я в 1966 году был в Ташкенте в командировке. А там внезапно землетрясение случилось. Раненых было не счесть. Мы вытаскивали их из-под завалов и тут же помощь оказывали. Мы тогда дружно все жили. Весь Союз потом помогал восстанавливать этот узбекский город.

Знаменосцев подошел к Андрию, стянул с него тяжелый бронежилет, а с ноги военный ботинок и, закатав штанину, внимательно осмотрел ногу.

Андрей Гнилюк. Ну, давай, дед, покажи свою закалку старческую. Сколько тебе стукнуло-то уже. Не удивлюсь, что в какую-нибудь мировую воевал. (*Потянулся к ноге.*) Ах ты ж падла, огнем жжет. М-м-м, на куски рвать начинает.

Знаменосцев. Пуля навывлет прошла, икроножную мышцу зацепило. Кость задета или нет, не знаю. Шприц с обезболивающим есть?

Андрей кивнул на рюкзак. Порывшись, Егор Тимофеевич извлек аптечку и, обнаружив шприц с лекарством, вколол ему в бедро. Затем принялся обрабатывать и перетягивать рану.

Андрей Гнилюк. Ловко ты, дед, с этим управляешься. Военным делом промышлял или военврач?

Знаменосцев. Ни то, ни другое.

Оксана Прилужная. Егор Тимофеевич – профессор математики.

Андрей Гнилюк. А-а-а, книжный червь. А у меня 8 классов образования и ни одной прочитанной книжки за душой, и я не парюсь. Живу, как хочу, за мной сила! Очистим нашу страну от оккупантов и будем новую жизнь делать с Америкой, с Германией, Великобританией наравне. А тебе вот не очень твоя математика помогла, дед. Сидишь тут со своей ученой степенью в подвале, как крыс шхеришься. Ну тебе простительно... ты дед. Жаль, после победы нашей не увидишь, как подыдем мы нацию на высшую ступень... где ей место.

Знаменосцев. Это куда вас Америка с Германией подымут?

Андрей Гнилюк. Куда надо подымут, дед. На высочайшую ступень, где все

отребье советское внизу останется. Вся эта опаскуженная чернь.

Знаменосцев. На кой ляд этим «дутым» гегемонам возвышать чужеродный, непонятный им, по сути, народ, который они воспринимают как второсортный? Разве что в прихвостни?

Андрей Гнилюк. Так и знал, зацепит тебя это. По глазам вижу, в крови у тебя оккупантское прошлое. Не хотели мы никогда жить с коммуняками, втянули нас силой и кольцо железное на шею одели, лишили самостоятельности, чтоб как все были... как стадо. Не так, скажешь, происходило? *(Прищурившись.)* Или ты, дед, против своей страны?

Знаменосцев. Я не против страны, я за народ. А вот ты за кого? Непонятно.

Кира Яновна *(Андрею Гнилюку).* Судя по вашим познаниям, какие-то книги вы все-таки читали.

Андрей Гнилюк. Книги – прошлый век. Вся эта макулатура годится разве что на розжиг костра для жарки шашлыка. Интернет. Вот где куча информации, которой не встретишь в тошнотиках... в правильных книжонках. И людей умных слушать надо, которые идею несут, а не пропаганду москалей. *(Переключился на Знаменосцева.)* А тебе чего непонятно, дед? Вопросы задаешь провокационные. Мы за народ боремся! За земли наши, которые рашисты топчут! Не боишься, что выйдем отсюда и я доложу куда следует, что армию нашу опускаешь ниже плинтуса и агитпропаганду мне втираешь?

Знаменосцев *(продолжая перевязку).* Ничего я не боюсь. Отбоялся. А вот ты, жаль, книги не читал, а то знал бы, чьи это земли.

Андрей Гнилюк *(резко принял сидячее положение и наклонился к самому лицу Знаменосцева).* Урок мне решил преподать? Только знай, за каждое слово отвечать потом будешь. И если ты не за свободу земли нашей, гнить тебе... сам знаешь где. А мы все одно освободимся от рабства Московии – и национального, и политического. Хоть реки крови прольем, хоть океаны. Захлебнуться в ней кровососы-москаляки, эксплуататоры нации нашей чистокровной. Голыми руками душить будем, и нет в нас ни жалости, ни сочувствия.

Кира Яновна *(удивленно).* Это у вас в Уставе Вооруженных Сил написано? Мне казалось, перед защитниками государства несколько иные задачи стоят. В первую очередь, защита мирных граждан. А то, что я увидела в драмтеатре...

Андрей Гнилюк *(грубо перебивает).* А ты не умничай. Ты че, училка? И запомни, на войне все средства хороши, и никакие жертвы на пути к победе не будут слишком большими. Выбрал цель – иди к ней до конца! Мы будем бороться, а кто не с нами, тот не имеет права на жизнь. *(Снова наклонился к Знаменосцеву.)* Ну, давай, старик, объясни

мне, чьи это земли... или кишка тонка под дулом автомата? *(Видя, что Егор Тимофеевич замолк, Андрий удовлетворенно откинулся назад.)* То-то же...

Знаменосцев *(заканчивая перевязку)*. Русские это земли. Всегда были и будут. Пропущу твои слова о москалях мимо ушей, исключительно из-за твоего исторического невежества, потому как, коли на то пошло, то и ты москаль, и я, и весь наш народ. В «Московии» с самого начала был один мир, одна речь и один язык – русский, или славянский. А «оукраина» с древнерусского толкуется как «пограничная» земля Руси и древнерусских княжеств. С X века в летописях упоминается земля русская, а Киев – мать городов русских. От Ладожского озера до притоков Днепра... Киев, Чернигов, Новгород, Ростов, Рязань... один народ, общая история, под правительством династии Рюриковичей. И весь мир звал их росами, русами, русичами и русскими. Ни о каких украх упоминаний не было ни во сне, ни наяву. Я вот Оксаночке уже пояснял, что Ленин стал родителем Украинской Республики. Только и после него Союз много подарков ей сделал, отгрызая большие куски от России, которая завоевывала эти земли веками...

Андрий Гнилюк. Ты чего, дед, агитировать меня затеял? Мозги мне тут полоскаешь своей демагогией! Мятежничать вздумал?! Не посмотрю, что ты...

Оксана Прилужная *(перебивая)*. И, правда, Егор Тимофийович, яки таки подарунки? Дивни ви речи говорите. Хто ж земли даруе... вони тильки на вийне видвойовуваються зи зброєю, та зи смертями.

Алексей Добров *(косясь на автомат Гнилюка)*. Ксан, не лезь. Не твоего ума это дело. Остынь.

Андрий Гнилюк *(обращается к Алексею)*. И ты туда же? Против Украины прешь?

Алексей Добров. А что я... я – рабочий класс. Мы трудяги. Политика не наше дело.

Знаменосцев *(натягивая ботинок на ногу Андрию. Воспользовался моментом, пока Андрий корчился от боли, опуская штанину и разминая ногу)*. А вот это, Алексей, зря. Ты не интересуешься политикой, так политика заинтересуется тобой. По-другому никак. А земли русские нельзя раздаривать, они веками геройскими жизнями по крупице собраны. А те, кто за них пуд соли не съел да шашкой в бою не махал, легкой рукой с барского плеча как соболю шубы раздаривает.

Оксана Прилужная. Ну и що такого нам подарували ваши московитяне? Скажите мени, будь ласка. Скильки себе памятую, Украина завсегда була такою величезною, яка е сейчас.

Знаменосцев *(поднимаясь на ноги)*. Украина пришла в Российскую империю с

тремя территориями — Киев, Житомир и Чернигов. Сначала Ленин отдал Украине — Донбасс. А после его смерти и вовсе преподносились одни сюрпризы. В 1925-26 отписали кучу волостей от Курской, Гомельской и Воронежской губерний. В 1939-м — Сталин приписал Западную Украину. В 1940-м — Северную Буковину и юг Бессарабии...

Кира Яновна. После войны — Закарпатье. А потом Хрущев еще и Крым подарил.

Знаменосцев. Да-а-а. Раздала Россия свои земли как Украине, так и всем среднеазиатским государствам. И никогда ведь ни словом не попрекнула. А в ответ что дождалась? Укусы в руку дающего.

Андрей Гнилюк. Что за советскую дрянь вы тут несете?! Слушать муторно. Правильно Верховная рада запретила вашу коммунистическую пропаганду, вместе с символикой. Преступный террористический режим. Так что, дед, смотри, под статью загремишь. Рот надо бы прикрыть, пока на малый срок намотал. *(Кивнул в сторону Киры Яновны.)* Тебя, училка, это тоже касается. Берите пример вон с Лёхи. С одного щелчка затвора затих и сидит как мышь, даже носом не водит. Ладно, не кипятись, у тебя еще будет возможность отличиться, как встанешь под ружье. *(Знаменосцеву.)* А ты, старик, теперь мой урок античной истины усвой. Не все тебе умничать. Мы, новое поколение, по-правильному историю читаем, а не совковыми лекалами живем. А вы напичканы легендами про древних русичей и непобедимого советского солдата, спасшего всю планету. Тьфу, погань несусветная, аж язык свело от слов этих.

Кира Яновна *(складывая руки на груди)*. Мне даже интересно, что я сейчас нового услышу из летописей древних хохлоталмудов. Хотя чутье мне подсказывает, что спустя три предложения наш мозг категорически откажется воспринимать эту информацию.

Андрей Гнилюк. А мне по барабану, воспримешь ты информацию или нет. И сейчас ты признаешь, как ошибалась. *(Андрей вытянул вперед руку, сложив пальцы в форме пистолета, и симитировал выстрел в сторону Киры Яновны.)* Укры, к твоему сведению, самая древняя народность и существуют более 140 тысяч лет.

Кира Яновна. О-о-о... я действительно ошибалась. Вполне хватило одного предложения.

Андрей Гнилюк. Это мы начали первыми пахать, сеять, приручили коня, изобрели лук и стрелы и понесли цивилизации другим народностям. Началось все с трипольской арийской культуры V-VI тысяч лет назад. Вы о такой слыхом не слыхивали, как пить дать. Прошкурены насквозь «красной» идеологией. А древняя трипольская праукраинская цивилизация Аррата — идеал арийцев всего мира. Говоришь на нашем языке, значит, принадлежишь к высшим слоям общества. И принадлежим мы к арийской расе — темноволосые и темноглазые, с эталонными чертами характера. Все это от давних предков, и разрушить наш генетический код никому не удастся! Мы как были, так и останемся арийской расой!

Оксана Прилужная (*подскакивая на месте*). Ну... ось! Що я вам говорила! А ви мени не вирили! И ти, Лёша, завсегда смявся нади мною, говорив, що я все придумала. Будь ласка, визнай що ти був не правий.

Андрій Гнилюк. Лёх, жинка твоя поумнее да посмелее тебя будет.

Знаменосцем. Кхе... оплошность выходит в твоей теории, Андрей. «Арийская раса» — лженаучный термин. И раскрутили ее в XIX веке неонацисты и неоязычники, а потом подхватили фашисты, и твое хамское отношение к «советскому солдату» мне непонятно. Или 27 миллионов, проливших кровь за то, чтоб ты поганил их память, слишком малая цифра?

Андрій Гнилюк. А я, дед, не просил их мою землю спасать. Понял? Если бы не их «героические подвиги» (*Андрій цинично показал пальцами знак «вранье»*), были бы мы сейчас европейским высокоразвитым государством, защищенным Европой и НАТО, и плевать бы хотели на «москвитов» с вашей высокой православной колокольни.

Кира Яновна. Дурья ты башка, многие европейские страны оттого и существуют, что «советский воин» их от нацистской оккупации освободил.

Знаменосцев. Права ты, Кира Яновна, только они уже давно все забыли... или делают вид, что забыли. А ведь их не так мало: Австрия и Болгария, Венгрия и Германия, Норвегия и Польша, Румыния, Чехословакия и Югославия. И продовольствием их снабжали, и инфраструктуру помогали восстанавливать. Я не говорю уже про Украину, Латвию, Литву, Молдавию, Эстонию и Белоруссию. Лишь белорусы братьями остались, остальные решили, что можно историю забыть — и дело с концом. Но, как ни старайся, делать вид, что прошлого не существует, бессмысленно. Забыть ужасный опыт означает только одно — повторить те же самые ошибки.

Андрій Гнилюк. Не лечи меня, старик, у тебя все равно ничего не получится.

Кира Яновна.

Печально я гляжу на наше поколение!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познания и сомненья,
В бездействии состарится оно...

Андрій Гнилюк. Чё?

Кира Яновна. Лермонтов, Михаил Юрьевич.

Андрій Гнилюк. Чуешь, как я точно тебя вычислил, училка?

Кира Яновна. Училки – это те, кто без зазрения совести зомбировали наших детей националистической и милитаристической литературой. А у нас учителя. А я актриса. Актриса Мариупольского драматического театра.

Андрей Гнилюк. Все одно – агитационная подстилка. (*Увидев, как дернулся Знаменосцев, Андрей направил на него автомат.*) Националистическая, говоришь? А ты хотела, чтоб мы самобытность свою похерили?! Остались без культуры, языка, традиций и героев?! Отвечай, сука!

Знаменосцев. Отвечать тут за всех я буду. Хочешь стрелять – в меня стреляй! Перед женщинами пашкой махать – не велика победа. И про какую самобытность ты здесь толкуешь? Как только немцы ступили на украинскую землю в 1941-м, в первую очередь взялись переименовывать сотни улиц в «штрассе», а три из них назвали в честь Бисмарка, Гитлера и Геринга. Так что, друг мой, победи фашизм, уже на следующий день ты гутарил бы на «неметчине» и Отчизну свою называл не Родина или Батьківщина... а «Vaterland». А «советский солдат» ни у одного этноса ее уникальность не отобрал. Живут россияне все вместе: русские, тувинцы, чеченцы, татары, башкиры, калмыки, уйгуры и еще две сотни народов, которые имеют равные права и свободу вероисповедания. Лакцы готовят хахари, ингуши – дулх-халтам, буряты – буузы. И каждый незыблемо хранит свой язык и неповторимость обычаев и традиций, не боясь и не таясь, а наоборот, с гордостью являет всей стране. И не понять тебе, Андрей, что объединяет всех не идея первенства, не борьба за «самостийность», а одна на всех общечеловеческая любовь.

Андрей Гнилюк (*скривив лицо, как от оскомины*). Паскудная ересь твои слова, вот что я скажу, старик. Знай, не вернешься ты больше домой, сгниешь в пыточных, подохнешь как тварь дрожащая. Как предатель будешь казнен. Пристрелил бы тебя сейчас... патронов жалко. Да посмотреть хочу, как ты, сукин сын, корчиться будешь в муках и в ногах валяться, пощады просить. Мне бы только выбраться отсюда. Мы тебя по-любому найдем и истребим.

Алексей Добров (*Андрю*). Чего спорить-то? У каждого свое мнение. Хочешь – слушай, хочешь – нет.

Андрей Гнилюк. А то что?! Ну... что ты, сукин сын, мне сделаешь? Голыми руками против свинца? Духу у тебя не хватит, зуб даю! Ну! Иди сюда, давай!

Знаменосцев. Брось, Алексей, не связывайся. Из-за чужой дури жизнь свою не стоит обрывать.

Андрей Гнилюк. Это ты верно подметил, дед. Дури у меня хватит спесь с вас сбить, и ни одна мышца не дрогнет. Если услышу, что оккупанты первыми сюда идут, грохну вас – и дело с концом. Только переодеться надо, чтоб за гражданского сойти.

Эй, Лёха, скидывай портки, переодеваться будем. Да не стесняйся, не девка на выданье! (Андрий громко расхохотался.)

Повисла долгая пауза. Знаменосцев оторвался от своего занятия, Кира Яновна перевела напряженный взгляд с Андрия на Алексея, даже Алёна зашевелилась в углу и обернулась. Алексей замешкался.)

Андрий Гнилюк. Чего встал, сученыш... (Вскинул ружье.) Надо помогать «збройным силам», а то под трибунал пойдешь. Ну! (Щелкнул затвором.)

Оксана Прилужная (спохватившись). Не треба знимати... вон ціла стопка лежить. (Подошла к сумке и стала рыться.) Ми коли в пидвал збиралися, я для Лёши припасла. Не знали, скільки тут сидити будемо. Тут и штани, и свитер є. (Оксана поочередно вытаскивала их из сумки и, показывая, выставила руки вперед.)

Андрий Гнилюк. Везучий ты, Лёха. Опять выкрутился за счет бабы своей. Всю жизнь за ее спиной живешь? (Оксане.) Давай, неси сюда! Да помоги переодеться! Рука у меня тяжелая, видать, тоже зацепило.

Знаменосцев. Какой же ты защитник? Корабль еще не тонет, а ты бежишь с него как крыса. Уже и форму скидываешь...

Раздался оглушительный залп. Андрий выстрелил в потолок. Знаменосцев продолжил сидеть не дрогнув. Оксана пронзительно закричала. Кира Яновна вздрогнула. Алёна вскочила на ноги. Алексей замер на месте.)

Алёна (ее снова затрясло мелкой дрожью. Она обхватила себя руками и втянула шею). Снова с-с-стрельба? (Она поднесла ладони к лицу и тихонько заплакала.)

Кира Яновна (встала со своего места, прошла к Алёне, усадила ее, села рядом и обняла за плечи). Тихо, девочка, тихо. Мы все здесь рядом с тобой. Поверь мне... даже самое страшное когда-то заканчивается. Оно не забывается, не забирает с собой душевную боль, не стирается навсегда из памяти, но обязательно заканчивается... чтобы дать возможность просто дальше ЖИТЬ.

Оксана Прилужная (немного успокоившись, направилась к Андрию). Для чого потрібно було стріляти? Я и так допоможу. (Помогает Андрию переодеваться.) Це наш долг вийсковим допомагати! Вони нашу державу захищають! Або ти Леша хочеш пид окупантами жити? Ось що я тобі скажу, як закінчиться стрілянина та наші переможуть, так я дітей Злату и Милослава сюди привезу и більше не пущу до ворогив наших москвитов.

Андрий Гнилюк (Алексею). Так ты еще и диссидент, Леха?

Оксана Прилужная. Да який там диссидент? Батьки його там живуть. Так що, Лёша, сам будеш издити до бабки з дидом, а диток не трогай.

Алексей Добров. Страшные вещи говоришь, Ксан. Это не бабка с дедом... а мой отец с матерью...

Оксана Прилужная (*отмахнувшись, перебила Алексея*). Та ну тебе! Йди сюди лучше, подивися, у Андрия все тило да руки ризними картинками розписано. Дуже гарно.

Алексей Добров. Дура ты, Оксана.

Андрий Гнилюк (*морщась от боли*). М-м-м... Осторожно, рука!

Оксана Прилужная. Рука чи що поризана? Егор Тимофийович, це по вашій часті. Здається, він і в руку поранений.

Андрий Гнилюк. Дед, чего оглох? Глянь, что у меня там! Или мне палить всякий раз, чтоб к тебе слух возвращался?

Знаменосцев (*поднимаясь с табурета*). Будь я тут один, шагу б не ступил – пали сколько влезет. А так знаю... в тебе постыдства хватит над беззащитными измываться.

Андрий Гнилюк. А мне до лампочки все, что ты бормочешь. Перевязку сделаешь и отвали на место.

Знаменосцев направился к Андрию, но, подойдя ближе, вдруг остановился как вкопанный.

Оксана Прилужная. Егор Тимифойович, ви не там розглядаєте. На правий руці, над ліктем у нього рана і кров'я запеклася. Егор Тимовийович... що ви завмерли як статуя. А-а-а... ніяк рисунками милуєтеся? Для вас це, напевно, дивно. Я знаю, що кождий малюнок – важливий символ. Інтересно, що це означає.

Андрий Гнилюк. Такие символы только избранным дано понимать. Придет время, на каждом углу они будут высечены, на каждом доме. Это будущее нашей страны, старик! Смотри и запоминай!

Знаменосцев (*со стальными нотами в голосе*). Я эти символы на всю жизнь запомнил, ребенком еще. Думал, покончили с ними навсегда. Ан нет. Не доби́ли врага. Опять эта зараза выползла. Но в этом нет вины наших предков, сложивших головы в боях. В этом уже наша вина... что дали этой мрази возродиться. И я даже не уверен, Андрий Гнилюк, понимаешь ли ты сам, что за дрян'я наколото на твоём поганом теле. И

запомни... я «deutscher faschist» ближе, чем тебя, видел... так что трусить перед тобой для меня последнее дело.

Андрей Гнилюк. Ты язык попридержи, дед. Твое дело – рану перевязать, а не трепаться.

Кира Яновна. Что там, Егор Тимофеевич?

Алексей Добров. Фашистская свастика. Никакой он не украинский военный. Отъявленный нацист из батальона «АЗОВ». Вон и эмблема их.

Оксана Прилужная. Лёша, як ти надоел мени за своїми нацистами! Сто разив тобі казала, що немає в Україні нацизму! А ти знову за своє! Придумав дурницю всяку, и на весь свит кричишь! А ви, Егор Тимофійович, якщо знаєте и нам розкажіте, що це означає?

Андрей Гнилюк. Давай, ветеран, копни знания из старых мозгов.

Знаменосцев. «Мертвая голова»... *(Знаменосцев пренебрежительно кивнул на изображение на груди Андрия.)* Это были особые подразделения СС Германии. Располагались они в таких лагерях, как Бухенвальд, Дахау... в Маутхаузене в Австрии, в Освенциме, который находился в оккупированной нацистами Польше, и в других лагерях уничтожения и смерти. А вон... на плече с распростертыми крыльями не что иное, как черный орел Третьего рейха. Герб, который учредил сам Гитлер. Орел, смотрящий вправо, имперский – Райхсадлер. Смотрящий влево, партийный орел — Партайадлер. Ну а то, что он в лапках держит, вы не можете не узнать, Оксана. Свастика в центре венка, или нацистский крест, знаком каждому обывателю, без исключения.

Андрей Гнилюк. Даже я этих подробностей не знал, дед. *(Ехидно.)* Так что к тебе теперь много вопросов. Вдруг зря я на тебя бочку катил. *(Подмигнув.)* Может ты один из нас? *(Он громко расхохотался.)*

Знаменосцев *(занес кулак, как для удара).* Шкура. Понял, кто ты? Не человек, не животное и даже не млекопитающее. Ты – шкура. Лживая, трусливая, оголтелая и беспринципная. Мы помним и будем помнить всегда на самом что ни на есть генном уровне то, что мой дед заложил в мозг шестилетнего пацана. Нацизм – проклятое отребье человечества. Долг каждого нормального человека – уничтожить фашиста. Бить его пулей, кинжалом, душить голыми руками. Если ты этого не сделаешь, он замучает и истязает до смерти твою семью. Разрежет на куски и сожжет в огне твоих родителей, изнасилует и растерзает твою жену, закопает заживо твоих детей, окропит кровью наших братьев и сестер родную землю. Вероломно без страха и жалости. Не жди никогда, бей врага первым!..

Андрей Гнилюк. Ну и что же ты завис, старик? Давай, бей! *(Ухмыляясь.)* Только знай, быть тебе вторым. Я уже выстрелил первым. За всю нашу «незалежну» Украину!

Знаменосцев. Ошибаешься, боец. *МЫ* были первыми... 24 февраля. *(Опустил руку и вернулся назад на свое место.)*

Оксана Прилужная. Буде вам, Егор Тимофийович! Чи не все одно, що у нього там намальовано? Яка різниця, нацист чи фашист... вин нашу Витчизну захищає вид врогоив! Чому москалі на нашу землю прийшли? Ми їх не звали.

Алексей Добров. Ксан, ты чего несешь?! *(Оксана только грубо отмахнулась.)*

Андрей Гнилюк *(сквозь зубы).* Не жалец ты на этом свете, дед. Как только стихнет, все выйдут из подвала, а тебя я размажу по стенке как клопа вонючего. Звезду тебе на теле выжгу, а потом патронов не пожалею, башку тебе размозжу. *(Раздраженно обратился к Оксане.)* Давай, патриотка, выручай воина. Воды подай, горло пересохло.

Оксана послушно стала суетиться вокруг Андрия. Напоила того водой, перевязала руку и натянула на него свитер Алексея.

Все это время Кира Яновна несколько раз подходила к выходу, чтобы покинуть подвал, но всякий раз возвращалась назад под грохот канонады. Знаменосцев смотрел на нее и только, удрученно вздыхая, качал головой. Когда Кира Яновна в очередной раз попыталась выйти, дверь подвала с грохотом распахнулась, и взрывной волной внутрь отбросило человека, который чуть не сбил актрису с ног.

Глеб Дубник, в военном камуфляже, без автомата, с нашивкой «PRESS» на груди поднялся на ноги и оглядел подвал.

Глеб Дубник. Гражданские? Не пугайтесь, я журналист. *(Вглядываясь в темноту, обратился к Кире Яновне.)* Не сильно зашиб вас? Простите. Совсем озверели гады. Поняли, что их песенка спета, решили напоследок все живое уничтожить. С двух сторон танки поставили и лупят по домам... по людям! *(Увидел, что актриса направляется к выходу.)* Куда вы?

Кира Яновна. Мне дочь нужно искать. Некогда тут... прохлаждаться.

Глеб Дубник. Я не позволю вам выйти. Глупость совершите, это верная смерть.

Кира Яновна. Мне все равно! Дочь – моя единственная опора. Без нее мне не жить.

Глеб Дубник. А ей потом без вас как? *(Увидел, что Кира Яновна остановилась, обратился к остальным.)* Раненые есть? Помощь нужна?.. Не бойтесь, я без оружия... я – военный корреспондент из России Глеб Дубник.

Послышалось, как в тишине громко щелкнул затвор. Все напряглись.

Андрей Гнилюк. Э! Э! Лёха, не дури! Отдай автомат, слышишь! Наши придут, тебе крышка.

Пока Андрей надевал свитер, ему пришлось отложить автомат. Этим и воспользовался Алексей.

Алексей Добров (направив автомат на Андрия). Заткнись, гнида нацистская. Никогда «ваши» эту землю топтать не будут.

Андрей Гнилюк. О, гляди! Осмелел вдруг.

Оксана Прилужная. Лёша, ты розуму лишился?! Виддай автомат Андрию! Що ти творишь?! Ти з ворогами нашими заодно? Москвити прийшли на нашу землю вбивати нас! Подивися, що вони зробили з нашими городами и селами! Все разбомбили, вбили ироды! Лёша, не будь отступником, заради детей наших встань поруч с Андрием. Виганяй ворогив з нашей земли! (Ей показалось, будто Алексей заколебался, и она усилила напор.) А не виддаси автомат... так я ось тут поруч з Андрием сяду и шагу бильше не зроблю.

Алексей Добров. Оксана, включи мозги. Я на своей земле буду защищать свой народ.

Оксана, гордо подняв голову, прошла к Андрию, села рядом с ним и демонстративно сложила руки на груди.

Знаменосцев (Глебу Дубному). Сынок, с автоматом обращаться умеешь? Если надолго здесь задержимся, по очереди будем этого хлопца сторожить, чтоб не учудил чего. С него станется, у этих подлость – вторая натура. Остальные тут все свои. Я – Егор Тимофеевич.

Андрей Гнилюк (злорадно). Хех... ты сам-то, дед, служил? Или за учеными степенями прятался?

Знаменосцев. Не бойсь, не промажу. Пять лет отдал службе радистом в морфлоте на Тихом океане в Южно-Сахалинске.

Глеб Дубник. Я тоже с оружием знаком не понаслышке. Последние десять лет из горячих точек не вылезаю. Репортажи оттуда передаю. Вы давно здесь сидите?

Знаменосцев. С первого дня, как эта контра нас... мирных, в домах заблокировала, не дала уйти по гуманитарным коридорам. Сколько сидим, столько и стреляют. Уж устали соседей хоронить во дворах... с которыми бок о бок сто лет прожили. Холмов уже не

сосчитать. Э-э-эх! Вода на исходе и еда. Связи никакой нет, и информации тоже. Что там происходит, Глеб? *(Знаменосцев с надеждой задержал на нем взгляд.)* Почему мы так долго под обстрелами? К чему нам готовится, сынок?..

Андрей Гнилюк. Гробы готовьте, дед, да побольше. Сотни, тысячи, миллионы. Сотрем вас с лица земли, а кого не сотрем, рабами сделаем. Не достойны вы нашей расы. *(Андрей смачно сплюнул.)* Конец ваш настал. Даже не догадываетесь, кто нами движет. Наивные. Да за нами США, Канада, Великобритания, вся Европа!

Глеб Дубник *(повернул голову, бросил тяжелый исподлобья взгляд на Андрия и, оставив его без ответа, снова повернулся к Знаменосцеву).* А за нами Россия! Наша единая многонациональная страна! **ВЫСТОИМ**, отец! **ВЫСТОИМ!**

Следом раздался громкий саркастический смех Гнилюка.

Алексей Добров. Глеб, про наш «Азовсталь» что-то знаешь? Говорят, рабочих с семьями туда согнали?

Оксана Прилужная. Не сигнали! Тут люди у двори говорили, що всіх евакуювали на завод, щоб вид бомб ворожых спасти. *(Алексею.)* Ти сам говорив, що там бомбоубежище саме наиглибше и нияки всяки ракети його не пробьють.

Глеб Дубник. Всякие — не пробьют. А у нас имеются на вооружении такие, что до самого внутреннего ядра земли достанут. *(Алексею.)* А тебе, Лёш, так скажу. На заводе твоём ситуация аховая. Не для нас. Людей, власти туда нагнали не для защиты их жизней, а для защиты самих нацистов. «Живой щит» — основной козырь украинских властей в этой специальной военной операции. Для них жители Донбасса — недочеловеки, и вы в том числе, Оксана.

Кира Яновна. Про «живой щит» это правда, Глеб. Я прошла через это сполна в Мариупольском драмтеатре.

Знаменосцев. Знакомая тактика. В годы войны этот «боевой» метод гитлеровцы использовали повсеместно. Женщин, детей и пленных фашисты гнали впереди наступающих танков, даже сажали на броню. Случалось так, что это живое прикрытие «соскакивало» у самых баррикад и под выстрелами, которые раздавались в спину, пытались укрыться. Есть известный случай спасения так юной санитарки, которая за пять минут... поседела добела. В 1944-м для немецких варваров одним огромным «живым заслоном» была Варшава.

Глеб Дубник. В самое яблочко, Егор Тимофеевич. Точно чуете, кто учителя и «хозяева» этих псов. *(Глеб кивнул на Андрия.)* Каждый год где-то войнушку затевают, чтоб военно-промышленный комплекс кормить.

Алексей Добров. А чего тут чують? Проклятые янки! Никому житья не дают! В голову бы не взял, что до нас доберутся!

Глеб Дубник. Верно мыслишь, Лёш. Только янки... «носители демократии и добра», как всегда, «не причем». Всех подстрекают и натравливают, а сами в стороне. Чужие слезы для них – вода. А воюют они с нами, с Россией, через Европу и Запад, на костях украинского народа. Сказал «воюют» и не оговорился. Идет классическая по всем канонам война с авианалетами, боями спецназа и пехоты, с контрбатарейной борьбой, танковыми схватками и артподготовкой.

Алексей Добров. И бритоголовые с лягушатниками туда же? Небось, в Киевских катакомбах хоронятся?

Глеб Дубник. Намного ближе, чем ты думаешь. У меня уже столько материала на них собрано. Я, понятно, не Лев Толстой, но на пару-тройку томов с легкостью наберется. Основные кураторы и инструкторы, которые готовили захват территории Донбасса и Крыма военным путем 8 марта, заблокированы сейчас на твоём, Лёш, заводе «Азовсталь». Сидят эти ничтожества с трусливыми заячьими душонками за спинами женщин, детей, стариков и своих тяжело раненных солдат.

Знаменосцев. Никак сами генералы украинской армии?

Глеб Дубник. Генералы украинской армии для них, Егор Тимофеевич, тыфу, так... шавки подзаборные. А там рыба покрупнее. Загибайте пальцы. Инструкторы по ведению городского боя с тактикой «живого щита» сотрудники ЦАХАЛа из Израиля – раз. Старшие офицеры французской военной разведки – два. Представители немецкой разведки BND – три. Британская разведка МИ-6 – четыре. Они, кстати, и обеспечивают охрану «кровавого президента Зе».

Андрей Гнилюк. Ха! Хана пришла вам, военкор. Куда вы щимитесь против такой силы, лапотники. Ваше место на задворках цивилизации.

Глеб Дубник *(не обращая внимания)*. Все эти годы, особенно последние 8 лет, шла планомерная накачка страны оружием, строились укрепрайоны, рылись окопы. А самое главное – шла глубокая прочистка мозгов и навязывание массам новой идеологии. Идеология эта страшная. Философия нацизма... жесточайшие убеждения нетерпимости и человеконенавистничества. Движущей силой новой киевской государственности правительство избрало ультраправую, не имеющую моральных ценностей гопоту с изуверскими наклонностями.

Знаменосцев. Мда-а-а. О фашистских зверствах я знаю не понаслышке. Поэтому и не люблю тишину. Как наступает темнота и город погружается в сон, я снова слышу

ВСЁ... как кричит от боли запытанный до смерти сосед... как в унисон воют жители нашей деревни в горящем сарае... как без остановки скулит пес над трупом своего маленького хозяина-мальчишки, застреленного в голову ради забавы... как нечеловечески голосит убитая горем мать...

Кира Яновна. Вы видели войну?

Знаменосцев. Нет, дочка. Я не видел войну... я ее *ПЕРЕЖИЛ*...

Глеб Дубник. Хотелось бы вас успокоить, Егор Тимофеевич, сказать, что сейчас все не так, по-другому, но... *ВСЁ ТАК ЖЕ*. И изувеченные пленные с отрезанными головами. И обычные дворовые подростки с монтажной пеной во рту и истерзанные женщины с выжженной свастикой на телах. И есть даже похороненные заживо... Э-э-эх, придушил бы голыми руками. *(Дубник что есть силы сжал кулаки.)*

Оксана Прилужная. Замовчати! Я знаю, що у вас дуже сильна пропаганда, но таку брехню неможливо слухати. В жисть не повірю, що наші вийскові таки справи творять. *(Алексю.)* Знову про своїх нацистів писню заведешь? Вони не звіри, вони наші визволителі.

Андрій Гнилюк *(Оксане)*. Зря стараешься. Зомбированным москалям целые цистерны такой шняги в уши льют. Ковшом до конца жизни не вычерпать.

Кира Яновна. Странная вы, Оксана. Как будто на другой планете жили все это время. Говорите, нацисты – защитники? А что ж вы молчите про одесситов на Куликовом поле, массово сгоревших в Доме профсоюзов 2 мая? Нацисты, не скрывая своей принадлежности, пришли с битами и дубинками, чтобы убивать. Закидали здание коктейлями Молотова и заблокировали все входы и выходы.

Алексей Добров *(задумчиво)*. Мой бывший армейский сослуживец одессит Мишка был одним из протестующих. Он выпрыгнул с окна, чтобы спастись, и был забит до смерти стальными цепями и железной арматурой. *(Угрюмо, жестко.)* Ксан, тебе ли не помнить, сколько народу его хоронило. А лицо прикрыли потому, как не с кем там было попрощаться... вместо лица – месиво.

Оксана Прилужная *(передернулась от этих слов, но от своего не отступила)*. Вони самі знайшли свою смерть. Не потрібно було нарушати порядок у удержаві. Через таких, як твій Мишка, зараз почалася війна.

Андрій Гнилюк. Слушай, Леха, твоя жена тебя по полной уделывает. Со своей бабой разобраться не можешь, а за автомат схватился. Тебе б с кастрюлями «воевати» *(на украинский манер)*. Кацап, пальцем деланный.

Знаменосцев (*жестом остановил дернувшегося Алексея*). Твоя сила, сынок, в том, чтобы не реагировать на провокации. (*Андрею.*) Чо ж ты, мил человек, на украинской мове не гутаришь, а на языке кацапа с нами говоришь? Или на худой конец на немецком... языке своих идейных вдохновителей?

Андрій Гнилюк. Думал, подловил меня, старик? Удочка коротка, понял? Я тебе так скажу. Нельзя победить врага, не зная языка своего врага. Мой дед Гордий Гнилюк знатным полицаем был в Галиции с самого начала Отечественной войны. Говорил на русском, и это ему никак не помешало, даже помогло за время службы самолично уничтожить по меньшей мере три сотни «советских» ублюдков, которые у вас зовутся народ. Однажды собрал он это «сельское стадо» со своим отрядом, якобы на работу, вывел на окраину и расстрелял без суда и следствия. Главу села повесил, жену его прирезал, а детей-двойняшек в луже утопил. И я вас убивал и убивать буду... до последнего москаля.

Знаменосцев. Ах ты иуда!

Глеб Дубник. А как же ваш знаменитый идентификатор принадлежности к древним укрाम – *ПА-ЛЯ-НИ-ЦЯ*... Тебя ж свои и грохнут за неправильное «кацапское» произношение. «Кто не скачет, тот москаль» у тебя тоже не пройдет. (*Глеб кивнул на его раненую ногу.*) С твоей раненой ногой выше кровати не прыгнешь.

Андрій Гнилюк (*задрал футболку, продемонстрировал на животе два скрещенных кинжала, объединенных свастикой*). Вот моя паляница! Конеч вам, военкор, примите это как мужики, а не как рыла свинячьи, повизгивая. Вам с нашей силой звериной и поддержкой всего мира не совладать. Финита ля комедия, москаляку на гилляку, утырки!

Алексей Добров. Глеб, давай вытащим его, пристрелим – и дело с концом. По закону военного времени.

Оксана Прилужная (*заслоня Андрея спиной*). Лёша, не смей! Бачишь же, что вин просто так говорить, щоб вас позлити!

Знаменосцев. Нет, Алексей... Станем, как эти нелюди поступать, навсегда свой этнический ген потеряем. В нем наш дух.

Глеб Дубник (*Алексею*). Не переживай, Лёха, все его признания у меня на диктофон записаны, не уйдет от наказания. Всех найдем и всех покараем. (*Знаменосцеву.*) А с «геном» нашим, Егор Тимофеевич, вот какая прелюбопытная история приключилась. Раньше его теоретически разгадать пытались, теперь перешли к практике. США все никак не успокоятся: «Как же нам быть такими богатыми, как мы, американцы, и такими же сильными духом, как русские». Чтob выяснить это, на Украине были открыты сотни биологических лабораторий. Самые бесчеловечные эксперименты проводились в психиатрической больнице в Харьковской области, и все это подробно фиксировалось

в дневниках. Под опыты попали и 4400 солдат ВСУ, над которыми ставились опыты с образцами коронавируса, сибирской язвы, чумы, тифа и других смертоносных заболеваний.

Знаменосцев. Глеб, ты никак шутишь.

Глеб Дубник. Рад бы шутить, Егор Тимофеевич. Все намного серьезнее, чем можно себе представить. Это реальная угроза. Брались даже пробы воды в Днепре, Дунае, Днестре и Крымском канале. Понимаете зачем? Чтобы запустить инфекцию водным путем и заразить всю акваторию Черного и Азовского морей. Не только Россию, но и Белоруссию, Молдову и Польшу. Так что нет у нас другого выхода, как победить!

Кира Яновна. Как же так? Погубить столько народа?

Глеб Дубник. О чем вы, Кира Яновна... Любой народ для них мусор... всего лишь средство для обогащения или средство для борьбы с другим народом. Их идол и божество – это дутый рисованный доллар.

Андрей Гнилюк. Можете разминать язык сколько угодно. Только страны вашей скоро не будет. И старику своему, военкор, не ври про победу. Москву уже взяли, остальная Россия автоматом по «этапу пойдет». Весь Интернет об этом гудит.

Кира Яновна испуганно прикрыла руками рот.

Оксана Прилужная. А я говорила... недельку поиграют в войнушку – и на этом все закончится. Що ти наделал, Лёша? Тепер через тебе у нас будуть проблеми! Доведеться тобі у батьки в Росії пожити, а дітей я сюди заберу.

Алексей Добров (*сквозь зубы*). Приди в себя, Ксан! Иначе не будет больше семьи. (*Андрею.*) Ты чего несешь?

Знаменосцев. Глеб... про Москву правда?

Глеб Дубник. Егор Тимофеевич, вам ли не знать... живым щитом встанем, но Москву **НИКОМУ НИКОГДА** не отдадим! А гаденыш этот (*Глеб указал на Андрея.*) говорит про крейсер наш. Он не был взят, а «ушел» как боец, сражаясь до последнего, пробитый вражескими ракетами со всех сторон. Поднимем, починим и оставим как память об ушедшей эпохе. На смену ему уже пришло новое поколение «ПОСЕЙДОН» и «ЦЕФАЛОПОД».

Андрей Гнилюк. Groш цена всем вашим памятникам. Во всех странах «пачками сносятся» эти каменные глыбы. (*Саркастично.*) Летят бошки великих полководцев, вдребезги крошатся безымянные солдаты. Выбрасываются на свалку, наконец-то, Пушкины, Лермонтовы, Достоевские. Стирается с лица земли хваленый многовековой

«Русский мир». Никто не смог его разрушить. А мы смогли! Бандера и Шушкевич – наши герои!

Знаменосцев. Заблуждаешься, Андрий. «Русский мир» был, есть и будет всегда. Его нужно сохранять во всех бывших союзных республиках. В этом их спасение и будущность.

Кира Яновна (*Андрию*). Уши вянут от глупости таких бездарей, как ты. Наслушалась ваших в подвале драмтеатра. Одна дешевая похвальба. Клоуны. Только и можете, что с памятниками воевать, спектакли с убитыми снимать, да всю вину лживо на других сваливать. В Буче, в роддоме, в драмтеатре.

Глеб Дубник. Я даже знаю главных сценаристов. Америка и Запад. Даже «независимая» (*саркастически при слове «независимая»*) ОБСЕ и та занималась не контролем выполнения Минских соглашений, а банально «шпионила» для Европы. И этому есть куча доказательств. В том числе их видеокамеры, повешенные там, где их это не касается.

Оксана Прилужная. Ви брешите, та не завирайтесь. А про Бучу и роддом все знают, що це московити повинни... Не вирити? Он у медсестри Олени поспрашивайте, вона дивом спаслася з роддому. (*Обратилась к Алёне.*) Эй, малохольна, розкажи хто ликарню вашу обстриляв?

Алёна вздрогнула и боязливо подняла глаза.

Глеб Дубник. Алёна, ты из Мариупольского роддома?! Глазам своим не верю! Живой свидетель! Расскажи, как было! Я фиксирую все преступления, и твой рассказ может пролить свет на это событие! (*Глеб вытащил из кармана телефон.*) Можно я возьму у тебя небольшое интервью. Понимаю, тяжело вспоминать... но это очень важно... донести до людей верную информацию.

Алёна. Я... я... плохо помню. (*Она боязливо глянула в сторону Андрия Гнилюка.*)

Глеб Дубник. Алёна, поверьте мне, вам нечего бояться.

Оксана Прилужная. А чего ей бояться? Вона правду скаже про ваши зверства.

Кира Яновна (*налила кружку воды, подошла к Алёне, протянула ей и снова присела рядышком, приобняв ее*). Алёна, не держите в себе. Возможно, поделившись с нами, вам станет легче. Как говорится, вместе тужить – полгоря.

Глеб Дубник. Алёна, я не стану снимать на видео. Вот, смотри, убираю телефон. Просто запишу в блокнот. (*Убрал телефон, вытащил блокнот и ручку.*)

Алёна (*кутаясь в кофту. Тоненьким дрожащим голосом*). Н-не знаю, что вам рассказать... Я ничего не видела... только взрывы снарядов, раненые женщины... крик малышей и п-повсюду кровь... кровь... кровь...

Глеб Дубник. Откуда бомбили, Алёна? Сверху? Или снаряды летели по зданию с разных сторон? А может, что-то взрывалось внутри самой больницы?

Алёна. Я... я не могу сказать точно... Было очень... очень страшно. Везде взрывы, дым, люди бегут, кричат, н-н-несут младенцев, завернутых в одеяла. Ужас (*Алёна закрыла лицо руками, всхлинула и снова продолжила.*) М-м-мне кажется, сверху... бомбили сверху. С-с-сначала был слышен гул с-с-самолетов... мы начали п-п-помогать роженицам выбегать на улицу... Затем взрыв, г-г-грохот, что-то загорелось. Я... я... упала на землю и снова услышала гул...

Глеб Дубник. Алёна, ты не ошибаешься? Ты точно слышала гул самолетов?

Алёна. Не знаю! Не знаю! Не помню! (*Алёна снова съежилась и тихонько заплакала.*)

Знаменосцев. Глеб, не нужно мучить девочку. Она немного не в себе. По ее словам, она потеряла родителей.

Глеб Дубник. Егор Тимофеевич, это очень серьезные показания с ее стороны. Удара с воздуха, в принципе, быть не могло. Как закончатся обстрелы, придется тебе Алёна пойти вместе со мной.

Алёна. Нет!!! Я не пойду... я никуда с вами не пойду! (*Сильно заволновалась.*) В-в-все военные плохие... Вы убиваете л-людей... будете мучить... пытаться... Ос-с-ставьте меня...

Кира Яновна (*прижав голову Алёны к своей груди*). Тихо, тихо, девочка. Все плохое рано или поздно закончится. Время – хороший лекарь.

Знаменосцев. Да, Алёнушка... жизнь бесконечно сложна. Иногда кажется, что она закончилась и ничего лучшего уже не стоит ждать. Но когда страшные воспоминания сотрутся из памяти, снова захочется жить.

Алёна (*сквозь слезы*). Время вылечит... в-воспоминания сотрутся... А кто в-в-вернет?.. Кто вернет моих родителей?.. Я п-прибежала домой... а дома н-нет. Одни з-з-завалы. Я кричу: «Мама! Папа! Мама! Папа!» А в ответ... т-т-тишина. Только д-дом трещит, догорает.

Оксана Прилужная. Що ти видразу хоронити их надумала? Може, евакуювалися вони?

Алёна *(всхлипывая, покачала головой).* Я тоже т-так надеялась. Но... подошла с-соседка и обняла меня сзади. А п-п-потом прошептала: «Нехай земля им буде пухом». *(Алёна застонала.)* Я хотела уйти в-в-вслед за ними...

Оксана Прилужная *(перекрестилась).* Ось дурна дивчина, не гнивай Бога...

Алёна *(зыркнув на Оксану горящими глазами).* Да! Ушла бы! *(Снова потухший взгляд.)* Но братик м-маленький. Г-говорят, жив остался... на улице играл. ... Н-найти его нужно. Сейчас с-с-стихнет... пойду.

Глеб Дубник. Думаю, я смогу помочь тебе, Алёна. Через меня люди ищут друг друга. Погляди. *(Глеб вытащил телефон.)* Здесь уйма фотографий людей, которые пытаются найти кого-то или сами потерялись. Целую базу уже собрал. И деток среди них немало. Как фамилия и имя твоего братика?

Алёна. Бело... Стародубцевы мы. В-в-ванечка Стародубцев. *(Протягивая телефон назад Глебу.)* Нет его здесь. Сама буду искать. *(Пауза.)* ИСКАТЬ... В этом теперь смысл.

Все, находящиеся в подвале, погрузились в мрачное молчание. Для всех был понятен смысл этих слов. Знаменосцев, сидя на своем стуле, в очередной раз пытается поймать волну на радиоприемнике.

Знаменосцев *(крутит ручку транзисторного приемника.)* Вот ведь как бывает... время постоянно преподносит нам урок – как жизнь мимолетна. Вчера еще кто-то на лыжах мечтал кататься, как Оксана с Алексеем, кто-то по миру колесил, как Глеб, в поисках интересного материала, а кто-то, как я... просто радовался каждому прожитому дню. И все это рухнуло в одночасье. Да... непредвиденно. Но жизнь-то на этом не заканчивается. Значит и нечего раньше времени печаль нагонять. *(Знаменосцев поймал радиоволну. Заиграла красивая мелодия.)*

Оксана Прилужная. Що ж нам тепер рот до ушей и гопака выкаблучивати?

Знаменосцев. Зачем выкаблучивать *(Знаменосцев прибавил громкость на радиоприемнике, поднялся со стула, одернул фуфайку.)* Я бы с удовольствием с вами танцевал. Вот и музыка подходящая.

Оксана Прилужная. Вот еще! Буду я зи стариком соби ноги стаптывать!

Знаменосцев. Так бы сразу и признались, Оксаночка, что танцевать не умеете. *(Снова хочет сесть на место.)*

Оксана Прилужная *(возмущенно.)* Хто?! Я не вмию?! А ось визьму та и пиду з

вами танцювати! *(Подскакивает к Знаменосцеву.)*

Знаменосцев *(вальсируя с Прилужной, обращается к Доброву).* Ну а ты, сынок, чего сидишь.

Алексей Добров. А я чего? Третий лишний. Да и танцор из меня никудышный.

Знаменосцев *(вздыхая.)* Ох, молодежь. Так Киру Яновну пригласи. Уж актриса сама тебя всему научит.

Алексей, безвольно пожал плечами, закинул автомат за спину и направился к Кире Яновне. Она отказываться не стала.

Глеб Дубник *(залихватски махнул рукой.)* А я чего жду! Пожалуй, приглашу-ка я Алёну! *(Кивнул в сторону Андрия.)* На этого все равно никакой надежды. *(Подхватил Алёну, несмотря на ее вялое сопротивление и вовлек в танец.)*

Андрий Гнилюк смачно сплюнул на пол.

Знаменосцев. *(Танцует с Оксаной. Ностальгирует.)* Эх, чувствую я себя, как не в своей тарелке в нынешние времена. За души человеческие страшно. И строили ведь мы с вами когда-то одну большую страну и каждому народу в ней было уютно и тепло...

На большом экране сцены идут фотографии: Парад Победы войск Красной Армии на Красной площади 1945 г.; великие стройки СССР; освоение целины; полет Гагарина в космос, строительство БАМа; многонациональные фестивали на ВДНХ.

Глеб Дубник *(танцует с Алёной и ведет диалог. В полной тишине его, чеканящий каждое слово голос звучит особенно громко).* Вот что я скажу тебе, Алёна, не найдешь ты своего брата никогда!

Музыка смолкает. Пары прекращают танцевать. Взоры всех присутствующих в подвале устремляются на Глеба Дубника и Алёну.

Алёна *(вздрогнула. Со слезами на глазах).* Что?

Глеб Дубник. Не найдешь ты его никогда!

Знаменосцев. Глеб... даже если что-то знаешь, это было очень неправильно.

Кира Яновна. Да... не нужно было так с девочкой.

Алёна (*напряглась. От волнения едва выдавила из себя слова*). П-п-почему не найду?

Глеб Дубник (*резко схватив ее за волосы, оттянул ее голову назад*). Потому что нет у тебя никакого братика, паскуда. И родители твои живы-здоровы, стерва ничтожная.

Алексей Добров. Глеб, ты чего?

Оксана Прилужная. Зовсим з розуму спятив, идиот? (*Оксана кинулась к Алёне.*)

Глеб Дубник (*резко, жестко Оксане*). Не смей! Не подходи! (*Сильнее дернул Алёну за волосы.*) Расскажешь, кто ты?! Снайпер Елена Белоземцева! Я тебя сразу узнал. Отбитая правосечка и нацистка. Как ты там говорила в своих интервью? «Враг – это не человек, а цель. И если цель поражена, я испытываю удовольствие...»

Андрей Гнилюк. У-у-у... военкор совсем поплыл. Ты чего, журналюга, берега попутал?

Глеб Дубник. Ничего я не попутал! Это она. Разглядел ее получше, и весь пазл сложился. (*Знаменосцеву.*) Не верите, Егор Тимофеевич? Смотрите, на указательном пальце характерная мозоль от спускового крючка. Лицо постоянно за волосами скрыто, прячет круговой синяк вокруг глаза от ударов оптическим прицелом при выстреле. Сережка только в левом ухе. И последнее... ее фотография во всех наших соц. сетях красуется. Во всеуслышание обещала убивать «сепаров» на земле, в воде и на небе.

Алексей Добров. Вот с-сука!

Глеб Дубник (*Алёне*). Гнилая твоя душонка уже на пути в ад. Конечную остановку я тебе обещаю. Перед нашими парнями, твоей мерзкой пулей сраженными, **КЛЯНУСЬ**.

В следующую секунду Алёна, применив болевой прием, вырвалась из рук Глеба и, вытащив из-за пазухи пистолет, отскочила в сторону подвальной двери, держа всех на мушке.

Алёна. Ни с места! Пристрелю всех как собак! (*Заметив, как Алексей тянется к автомату, пальнула в сторону.*) Стоять! Дернешься, твоей жене первой башку размозжу. А я не промахнусь! (*Уже на выходе обратилась к Глебу Дубнику.*) Я ще на твойи могилы заспиваю: «Батька наш Бандера, Украина – мати...» Слава Украине! Смерть врагам!

С этими словами она распахнула дверь и сделала шаг. В этот момент раздался оглушительный взрыв, дикий грохот, словно бетонный дом обрушился полностью.

Душераздирающий крик Алёны.

Гаснет свет. Занавес.

... Действие 2 ...

СВОИХ НЕ БРОСАЕМ

Занавес открывается. Подвал. Обстановка тяжелая, напряженная. Лица присутствующих несколько измождены.

Оксана Прилужная. Лёша, ну що ти сидишь?! Сделайте же що-нибудь! Який же з тебе хлопець?! Ниякой!!!

Алексей Добров. Отстань! Сил нет причитания эти слушать. Что ты от меня хочешь?! Это твои мнимые «укропатриоты-гомосеки» довели страну до войны! Теперь черпай все это столовой ложкой! Да не подавись! *(Глебу Дубнику)* Слушай, Глеб, как ловко ты эту Алёну вычислил. Непростая оказалась птица. Прикинулась божьим ангелом, а сама сатана в юбке.

Глеб Дубник. Так оно и есть. Под масками приличия запряталось двуличие. Что ж нам делать-то, Егор Тимофеевич?

Знаменосцев *(снова сидит на табурете и вырезает фигурку).* А что делать? Подвал завалило полностью. Не остается ничего, кроме как ждать. Будь здесь сейчас хоть взвод солдат, это бы ничего не решило. Стены в подвале бетонные, потолок бетонный и дверь завалило бетонной плитой. Только отбойным молотком пробить можно. Остается только ждать.

Оксана Прилужная. Ми не можемо ждать, Егор Тимофийович! Потрибно шукати виход! Свечки догорають! Продуктив на пару днів осталося! Воду вже по чайний ложці пємо!

Кира Яновна. Господи, третий день сидим и ничего... ничего, кроме взрывов и выстрелов не слышим. Почему никто не идет разбирать завалы? Неужели... будем погребены заживо?..

Андрей Гнилюк. Хватит ныть, актриска. М-м-м, черт! Угораздило же меня затащиться в этот вонючий подвал!

Кира Яновна. Бедная, бедная моя девочка... Богданочка... Вся надежда на добрых людей. Спросят ее фамилию, имя и отвезут к бабушке с дедушкой в Зугрэс... Чтоб не осталась одна... только не одна. *(Уронила лицо в ладони.)*

Оксана Прилужная *(со злостью Кире Яновне).* Чого ви нас хороните?! Ви що, Господь Бог?!

Кира Яновна (*медленно подняв голову и в упор глядя на Оксану*). Твои дети в безопасности. Что случись с вами... они в тепле да при родных останутся. Оттого ты сейчас и хорохоришься!

Андрей Гнилюк. Да заткнитесь вы уже! Клуши деревенские! М-м-м... (*Не разжимая зубы.*) Глеб, не верю, что у тебя в аптечке укола нет. Будь человеком, дай обезболивающее. Нога саднит, мочи нет терпеть, рвет изнутри на куски. М-м-м...

Глеб Дубник. Обойдешься, шкура нацистская. Там наших ребят твои ублюдки кастрируют... а ты тут от пореза стонешь? Хоть заживо сгниешь, с места не сдвинусь.

Оксана Прилужная (*Глебу*). И хто після цього нацист? Бачишь... йому дуже погано? Тоби що жалко?!

Глеб Дубник (*зыркнул в сторону Андрея*). Этому... жалко! Ты видела перевернутый крест на его шее? Сатанинское отродье! Пусть дьявола и просит о помощи.

Андрей Гнилюк. Дед, хоть ты будь человеком. Глянь, что у меня там с раной... м-м-м, рука болит, не дотянуться. Ты ж, наверняка, верующий... старик. Православный христианин. Как там в Библии написано, «помогай ближнему своему». Или ты коммуняка заклятый? М-м-м... (*Стонет.*)

Глеб резко подорвался с места, разозленный словами Андрея, но Егор Тимофеевич остановил его движением руки.

Знаменосцев. Ты, мил человек, имя Господа языком своим не погань. Вы и от церкви православной открестились, безбожники. Ничто так не отторгает Бога, как раскол в Церкви. А вы украинскую раскололи. Раскол равносителю преступлению тех, что истязали тело ЕГО. ГРЕХ этот несмыслаем. Уже начали монахов убивать и скиты сжигать. (*Отложил свое занятие, поднялся со стула и, скрипя зубами, направился к Андрею.*) А прежде чем меня совестить, о своей незавидной судьбе подумай. А я... был и комсомольцем, и коммунистом, и жизнь свою посвятил математике, положил ее на благо образования советского общества. Только ВЕРА – она ведь не в комсомольском значке, не в партийном билете и даже не в научных трудах. ВЕРА – она в крови нашей, что течет по венам, вобрав в себя тысячелетние мольбы наших праотцов. А вот никуда от этой крови не деться. И я без пафоса горд... горд, что есть во мне та малая капелька, под микроскопом едва различимая... (*Егор Тимофеевич закатал Андрию штанину и стал осматривать рану.*)

Андрей Гнилюк. Очередная философская пошлятина... (*После паузы.*) И что там в твоей капле, старик? Давай, топи... заливай бетон в уши. Загибаю пальцы.

Знаменосцев. Ну... загибай, если пальцев хватит... Любовь к Богу – раз, человеколюбие – два, честь – три... справедливость... воинская доблесть... честность...

милосердие... сострадание... великодушие... отвага... патриотизм

Андрей Гнилюк: Не много ты себе надыбал, старик? Откуда ж в тебе столько?

Знаменосцев. Не во мне. В народе нашем православном. Как, откуда? От князя Владимира Святославовича – крестителя Руси Древней, от князя Ивана III Васильевича – объединителя земель русских, от Петра Великого и Екатерины II, от Николая Ивановича Пирогова – величайшего хирурга, от Дмитрия Ивановича Менделеева.

Кира Яновна. ... а еще от Пушкина и Лермонтова, от Льва Толстого и Достоевского, от Чайковского и Римского-Корсакова... да разве всех перечесть.

Оксана Прилужная. Ой, Егор Тимофийович, зараз времена и люди зминилися.

Знаменосцев. Времена могут меняться, дочка... а настоящее, что должно быть в человеке, неизменно... (*Глебу.*) Плохи тут дела, Глеб, воспаление в ране, надо почистить. Что там у тебя в аптечке есть?

Андрей протяжно застонал от боли.

Глеб Дубник. Даже пальцем не пошевелю ради этого организма недобитого.

Оксана Прилужная. Ось, Егор Тимофийович! А ви говорите, що люди не зминюються. И де його милосердя? (*Указывает на Глеба.*) Буде дивитися, як людина помирає!

Знаменосцев многозначительно глянул на Глеба. Тот вынул из своего рюкзака аптечку, подошел и протянул Егору Тимофеевичу, презрительно испепеляя взглядом Гнилюка.

Знаменосцев (*потянулся к аптечке и, глядя в глаза Глебу, произнес.*) Помощь твоя потребуется.

Глеб долго не выпускал протянутую аптечку из рук и, наконец, опустил ее на колени рядом со Знаменосцевым.

Андрей Гнилюк (*постанывая от боли. Со злобой.*) Благородных из себя корчите? Типа, вот... утрись нашим великодушием редкостным. В чан с дерьмом меня норовите окунуть своей сопливой гуманностью... м-м-м... Только знайте, чхать я хотел на вас и всю вашу благодетель. М-м-м...

Знаменосцев. В этом и есть наше с тобой отличие. Есть в наших людях то, чего вы давным-давно лишились, как и своей «незалежности». Что бы ни произошло и где бы мы ни находились, до конца будем отстаивать правильные ценности. Вы помираете ни за что, поэтому никто о вас больше не вспомнит... А у наших ребят есть главное – Родина и народ! За которых отдают они свои жизни. И никогда... никогда они не будут забыты в Донбассе! Закончится война, отмолим мы их сердца в церквах и в мечетях... отмолим так, что, подняв глаза к небу, увидим их чистые счастливые лики. И будем нести память об их подвигах вечно... пока жив «Русский мир». А он будет жив всегда! Как наш огромный многонациональный «бессмертный полк». Они ведь не ушли никуда... а тоже стоят на страже... на страже памяти людской.

Глеб Дубник. Не пытайтесь этому быдлу донести смысл морали, Егор Тимофеевич, не тратьте время. Пропадающая страна, пропадающие люди, торгующие своим народом, как скотом на базаре, и земель, которую вагонами в Европу вывозите. *(Андрею.)* Нет у меня к тебе никакой жалости, херр Адольф. Помогаю исключительно из тех соображений, чтоб ты не сдох раньше времени, а дождался праведного суда и военного трибунала. Молись, чтоб пожизненный получил, а не вышку.

Оксана Прилужная. А ви яке покарання чекає? За Бучу, за драмтеатр? За вбитив мирних жителів?

Кира Яновна *(подошла к Оксане вплотную и жарко заговорила, выплескивая скопившиеся эмоции).* Да что вы знаете про драмтеатр?! Устала слушать весь этот бред! Я молчала, не хотела Алёну пугать, которая оказалась такой же дрянью, как вся наша государственность. Буча ваша – театральная постановка, достойная ржавого Оскара. Дикость только в том, что многие жертвы настоящие, убитые нацистами или украинскими военными! И не смей никому говорить, что это в защиту народа! Я просидела в подвале драмтеатра долгие мучительные пятнадцать дней! Вместе с сотней людей, что туда согнали! Слышишь ты, защитница «захистников»! «Захистников», которые прикрылись нами, поставили надзирателей, не давали ни воды, ни еды, ни выйти подышать воздухом, убеждая, что русские идут нас убивать! Ни словом не обмолвились про гуманитарные коридоры! А всем, кто хотел выйти с детьми из этого ужаса и смрада, стреляли в спины! Но мне не было ни страшно, ни голодно, ни холодно! Я хотела только одного: выйти, чтобы найти свою девочку, живую или мертвую! Едва я сделала шаг к двери, ко мне подошел сволочь с наколотой свастики на лице и что есть силы приложил автоматом по голове! Так?! Так нужно защищать свой народ?! *(Кира Яновна раздвинула волосы на голове, показывая Оксане запекшуюся кровь.)* И запомни! *(Перешла на жаркий шепот, двумя руками ухватив Оксану за предплечья.)* Не было никакой бомбардировки русскими самолетами. И быть не могло! В здании находился штаб батальона «Азов», и когда они

покинули театр, то просто-напросто взорвали его изнутри. Подорвали вместе с детьми! В этой суматохе мне и еще нескольким заложникам удалось выбраться наружу и остаться в живых. *(Со всей силы сжала пальцы.)*

Оксана Прилужная. Видпусти, сумасшедша! Боляче! *(Вырвалась из ее рук.)*

Глеб Дубник. Кира Яновна, вы сами видели, что азовцы подорвали театр?

Кира Яновна. Я могу подтвердить это на сто процентов. Сама видела. Как они взрывчатку раскладывали. Я... как только увидела свет, бросилась со всех ног домой. А там... никого. Господи... теперь второй раз сижу в подвале! Только теперь нет никакого выхода! Девочка, бедная моя девочка. Где она, что с ней? *(Вдруг вспомнив, бросилась к Глебу.)* Глеб! Ты же говорил, что у тебя целая база потерявшихся людей. Посмотри, может, есть среди них моя Богданочка... *(Она достала из кармана кошелек, в котором лежала фотография девочки.)*

Глеб Дубник *(разглядывая фотографию, закашлялся).* Н-нет. Не встречал.

Алексей Добров. Только бы выйти отсюда. Выйду, воевать пойду! Нечисть эту фашистскую гнать с нашей земли!

Андрей Гнилюк *(Алексею).* Штаны не замочи, герой.

Оксана Прилужная. Ти чого це удумав?

Неожиданно наверху послышался шум. Все присутствующие затихли прислушиваясь.

Голос 1. Эй, Сашко, прошаримся по квартирам. Повезет... чего ценного у этих тварей надыбаем. Хоть не порожняком валить. Бабки, золото... гляди, что в верхней квартире нашел. Цепочка, серьги, гроши...

Голос 2. Слухай, Мясник, тикать треба. Хай з ними, нехай подавляться. Орки на пяти наступають... Ти чого мужика с дитиною застрелив, яки за водою йшли?

Голос 1. Русских ждет, сука! Нацистской рожей меня обозвал. Ну, я и научил его уважению к высшей расе. А отродье его таким же ублюдком вырос бы.

Голос 2. А-а, вирно... Цих недочеловеков потрибно вбивати... да побільше! Пишли, Мясник, а то вид наших видстанемо!

Оксана Прилужная (*обрадовалась, услышав голоса сверху*). Эй! Э-э-э-й! Гей там звирху! Ми тут у пидвали! Допомогти!

Андрій Гнилюк (*обращаясь к Знаменосцеву*). Ну что, старик, не помогла тебе вера. Знать, правда не на твоей стороне. (*Сложил руки рупором и что есть силы закричал.*) Эй, братки!..

Знаменосцев, Глеб Дубник и Алексей Добров переглянулись между собой. Оксана и Андрей подняли такую шумиху, что им все-таки удалось докричаться.

Голос 1 (*откуда-то сверху*). Кто там? Мирные что ли? Для вас приятное известие... вас завалило! Га-га-га.

Андрій Гнилюк. Пацаны! Сашко, Мясник! Это я Андрей Гнилюк, позывной «Каратель»! Батальон «Азов»! Братаны, вытаскивайте быстрее! Третий день на киче маюсь!

Голос 2. Каратель, це ти што ль? Як тебе угораздило в пидвал потрапити?

Андрій Гнилюк. Я! Я – Каратель! Я ранен! Тащите, братухи! Тут для вас трофей заготовлен! Слава Украине!

Голос1 Голос2. Хероям слава!

Наверху слышались возня и тихий шепот.

Оксана Прилужная. Спасителі наші! Як же ви вовремя приспили! У нас води зовсім не осталось! И остання краюха хліба. З голоду б померли. Ой, спасиби вам ридни!

Голос 1. Слышь, Каратель! Тут одними руками не обойтись. Молоток отбойный нужен. Дверь вашу плитой бетонной завалило. Только отсюда сверху сверлить плиту. Работы часа на три.

Андрій Гнилюк. Выручайте, други! Зиг Хайль!

Голос 2. Чекайте! Скоро будемо! Что-нибудь придумаем.

Андрій Гнилюк (*присутствующим в подвале*). Улавливаете? Везде, где прозвучит

«Зиг Хайль», появимся мы! Прозрели?

Знаменосцев. Нам всем давно пора было прозреть.

*Послышались удаляющиеся шаги и громкий смех, сквозь который донеслось «Земля вам
пухом».*

*Прошло четыре часа. Слышны разрывы. Полумрак. Свечи все сгорели, осталась
додогорать одна. Тишина. Слышно, как Знаменосцев полирует наждаком фигурку.*

Кира Яновна (а капельное пение красивым тихим контральто).

*Ах, печаль тоска, не лети в мой дом,
Птицей черною, похоронною.
В ставни распашны не стучи крылом,
Сердце с болями — слезы вольные.*

*Отопри на миг острожную клеть
Зарешечену безнадогою.
Забери отсель не в сырую твердь,
А на волюшку к Азов морюшку.*

*Стану я и впредь звонко в голос петь
Песни озорны, а не трауры.
Отведи, Господь, стрелы черной медь.
Не в аду гореть, а ЖИВОЮ рдеть.*

Андрей Гнилюк. Да не вой ты уже... и так тошно!

Оксана Прилужная (обессиленно). Пити... пити як хочеться, сил немає. И дихання
вже не хватает... Чому ж вони не повернулися за нами? Як вони могли залишити нас
вмирати живцем... Лёша, ми померемо?

Знаменосцев. Потерпите, девочки... потерпите, родные. Нас обязательно найдут.
В первую очередь, все знают, что под любыми завалами могут быть люди.

Андрей Гнилюк. Давай-давай, старик, Расскажи им очередную сказку. Ври, да
только не завирайся. О доблестных и отважных ополченцах, махающих шашкой за свой
голозадый доморощенный люд... Вот придут они и спасут вас... хех, от самих себя.
Сами себе вы проблем создали... донбассня проклятая, теперь жрите снаряды. Не лезли
бы никуда, а жили тихо, заткнув глотки, не было бы никакой войны! Украина – наше

государство, а вы предатели не хотели в нем жить!

Глеб Дубник. Заглохни уже *(с издевкой)*, «каратель»! Тошнит от тебя по самые гланды. Правильный позывной выбрал... жди теперь от Бога кары.

Кира Яновна *(Андрю)*. А мой сын никуда и не лез. Он вообще не знал, что такое государство, президент, борьба и независимость.

Андрей Гнилюк *(раздраженно)*. Чё?

Кира Яновна *(глядя Андрю прямо в глаза)*. Ему было всего четыре года. И ОН НИКУДА НЕ ЛЕЗ... Но его имя все равно выгравировано золотыми буквами на холодной гранитной плите... и он тоже жертва вашей нацистской «незалежности».

Оксана Прилужная. Ах! *(Приложив ладони ко рту.)* Як же так?

Кира Яновна. Окаянного 13 августа 2014 года мой муж и наш счастливый мальчишка *(улыбнувшись сквозь слезы)*, счастливый от того, что целых два часа будет глазеть в окно автомобиля на пролетающие мимо поля, отправились в Зугрэс к бабушке с дедушкой порадовать стариков. День выдался на редкость знойным, и они решили заехать на пляж... Я больше чем уверена, что мой мальчик стоял и чистыми небесными глазами смотрел на самолет, который летел в сторону пляжа и нес... кассетные авиабомбы... на которых было написано «Все лучшее детям»... Муж успел накрыть нашего сына собой... но это их не спасло. Остались мы с Богданочкой вдвоем...

Украина для меня навсегда сдохла! Там... в Зугрэсе.

Слышишь, ты! *(Андрю, срываясь на крик.)* Фашистское отродье! НИКТО НИКОГДА не простит вам Горловскую Мадонну с оторванными ногами! Безмолвных имен на АЛЛЕЕ АНГЕЛОВ! Не вымолить вам прощения у 14 тысяч убитых за 8 лет укронацистами! Будьте вы прокляты, продажные псы!

Оксана Прилужная *(в ужасе округлив глаза)*. Що вона каже? Яки 14 тысяч мертвих?

Алексей Добров. Проснись уже, Оксана! Я говорил об этом сотни раз! Но телевизор и киевские СМИ сделал из тебя зомби! Глупого, податливого, с придурью зомби, коих у нас миллионы! В стране, которой управляет патологический лгун с синдромом Мюнхгаузена! Да, мы сами выбрали его! Потому что поверили пустым обещаниям о мире на Донбассе. А он продался за зеленые бумажки америкасам и Западу, которые в борьбе с Россией возродили фашизм.

Оксана Прилужная. Лёша! Де твий патриотизм?

Алексей Добров. А где теперь твоя Украина?! Наших беженцев за границей не назовешь иначе как террористы и провокаторы. Украинская армия брошена президентом и таскает каштаны из огня. А наша страна по-прежнему продолжает торговать собой, только это уже всем поперек яиц. Она как жених на всех свадьбах и покойник на всех похоронах!

Глеб Дубник (*рассмеялся от души*). Здорово сказано, Лёх! Возьму на заметку.

Андрей Гнилюк. Не слушай их, Ксан! (*Сплюнул*.) Это они хорохорятся. Знают, что не выгребсти им в шторм на их дырявой лодке под названием «Рашка». Сколько дыр уже насчитали от западных санкций? И еще навалиют вам по самое не хочу, пока ко дну не пойдете. А наемники со всего мира нам в этом помогут.

Глеб Дудник. Слышь, «каратель», я тебе даже точную цифру назову – 10 850 санкций и «иносранные» наемники из 63 стран. Ждем еще как можно больше... этих удобрений для нашей экономики.

(*Глеб подошел к Андрею, обошел его со всех сторон и, схватив рукой под шею, применил удушающий прием.*)

Мы-то справимся... а вот вы, **ДЕМОНЫ**, собственной желчью захлебнетесь! За детей невинно убитых, за Донбасс, слезами замытый, за солдат пленных, с ногами простреленными, за женщин, вашими наркоманами изнасилованными, и за всю вашу украинскую армию – «пушечное мясо» в руках иностранцев! **НЕТ** у вас надежды на спасение! Потому что **НЕТ** у вас ни воинов, ни духа! Вся ваша идеология – нацистские факельные шествия по Украине, освещающие вам дорогу в ад! Америка сделала из вас фашистских зомби, посадив на наркотики. На протяжении всей истории вы не были независимым государством. А теперь не будет вас больше **НИ-КОГ-ДА!**

Знаменосцев (*увидев, что Андрей начинает задыхаться*). Глеб! Отпусти его! (*Глеб разжал хватку, и Андрей начал откашливаться.*)

Оксана Прилужная (*встает в позу*). Украина буде завжди! (*Повторила по-русски.*) Украина будет всегда!

Знаменосцев. Нет, дочка. Это **УКРАИНСКИЙ НАРОД** будет всегда. А украинской хунты больше не будет.

Глеб прошел через подвал и опустился на пол рядом со Знаменосцевым.

Глеб Дубник. Вот что я хочу сказать, Егор Тимофеевич, за то время, что я провел

на передовой, меня одолевает странное чувство. Будто я нахожусь в каком-то временном промежутке между специальной военной операцией и Великой Отечественной войной. События прошлых лет и нынешних дней настолько переплетены друг с другом, что мне кажется, будто я всякий раз перемещаюсь из одной локации в другую... Мы все время вспоминаем героев той войны... но, как выяснилось, героев этой ничуть не меньше. Я наблюдаю такие же подвиги наших отважных бойцов, готовых умереть за Родину, сжимая в руках гранату с выдернутой чекой. Готовых, рискуя жизнью, тащить 2 километра раненого врага по минному полю. Я видел 11 непобежденных бойцов, сутки стоявших против 300 озверевших бандеровцев. Подвиги... такие же, как в те далекие времена. А самое страшное... я вижу те же зверства нацистов. Ничего не изменилось. *НИ-ЧЕ-ГО*.

Знаменосцев. Цикличность, Глеб, цикличность. Мы против нее бессильны. Все в мире весьма предсказуемо. Как сказал Евклид, «математика – это язык, на котором написана книга природы». А я бы взял шире – книга мироздания.

Глеб Дубник. Я не хотел бы повторения подобного *ДЕЖАВЮ*... Это страшное, неподдающееся объяснению чувство. Буквально вчера я побывал в тайной адской тюрьме аэропорта Мариуполя, где заключенных называли «книгами», а место их нахождения – «библиотекой». Больше всего меня, человека, побывавшего почти во всех горячих точках мира, ввела в ступор холодная бетонная *ЯМА*, наполненная телами сотен замученных, искалеченных и изувеченных людей. Говорят, что это была, так называемая, «психологическая пыточная»... когда в этот ров скидывали живого человека и оставляли на несколько дней в одиночестве с мёртвыми... Не поили, не кормили... смотрели, как он медленно сходит с ума.

Оксана Прилужная (*в ужасе мотая головой*). Це неправда. Навищо ви придумуете ци страшни речи?

Глеб Дубник. Потому что это должны все знать, Оксана! Это тоже теперь наша история! И мы никогда ничего не забудем! Это фашизм! И он вогнал меня, здорового мужика, в ступор! Я стоял над этим рвом в *МАРИУПОЛЕ* в 2022-м и видел всех тех людей, что нашли свое пристанище в *УМАНСКОЙ ЯМЕ* в 1941-м. Я беседовал с ветераном, который волею судьбы выжил в этой яме... Сотни пленных были загнаны в глубокий карьер, из которой кирпичный завод брал глину. Когда лужи воды были выпиты, люди начали есть глину, отчего в желудке сбивался ком и человек умирал в тяжелых муках. Однажды пленным закинули в толпу убитую лошадь, которая была растерзана руками в клочья и съедена за несколько минут. Часть голодных была просто затоптана голодными. А однажды пошел холодный дождь. Все стали копать небольшие ямки, чтобы согреться, от этого яма обвалилась. И того, кто не успел выбраться, ждала страшная смерть... изможденные, покалеченные, изуродованные души и тела.

Все повторяется.

Повисла тяжелая пауза.

Андрей Гнилюк. Съели, заморыши?! Оттого вам никогда с нами не справиться, что вы слизняки. А мы плевать хотели на всякую жалость... Наши воины – роботы с железными сердцами и со стальными яйцами.

Глеб Добров. Какие вы вояки, мы знаем по двум котлам... Иловайскому и Дебальцевскому. И сейчас засели в катакомбы на «Азовстали» и кланчите помощь у всего мира, и даже у папы римского.

Алексей Добров. Ты прав, Глеб, ничего не изменилось. И мне стыдно... стыдно, что я трусил, живя в своем родном Мариуполе. Трусил... когда националисты, откровенные фашисты, в день Победы заживо сожгли в здании полицейских, отказавшихся стрелять по митингующим. Трусил... когда в нашем аэропорту был создан концентрационный лагерь смерти, где пытали и убивали «неудобных» власти. Трусил... когда у проходной моего родного комбината «Азовсталь» снесли памятник первому промышленнику СССР Орджоникидзе. Трусил... когда на 9 Мая бандеровцы били стариков, что пришли на «Бессмертный полк», срывали с их груди георгиевские ленты и даже медали и ордена. Я смотрел, как эти медали были брошены наземь и утопали в пыли... Смотрел и трусил. *(Обратился к Оксане.)* Ты хотела знать, Ксан, почему я отправил наших детей в Россию. Так вот знай! Не потому, что там лучше... нет!... А потому, что я не хотел, чтоб они видели мое малодушие. Мою гнусную, поганую, омерзительную трусливость.

Глеб Дубник. Не кори себя, Лёха. Что ты мог сделать?

Алексей Добров *(повысив тон)*. Ничего ты не понимаешь, Глеб! Я стоял на площади и под свитером у меня был портрет деда, который я так и не осмелился вытащить. *(Понизив тон, опустив глаза.)* А в кармане брюк стыдливо лежали его медаль «За отвагу», медаль «За оборону Севастополя» и орден «Отечественной войны» I степени. Дед вручил их мне, своему единственному внуку, перед самой смертью... гордо, со словами: «Будь достоин наград этих, так же как мы все, Родину защищавшие».

Знаменосцев. Это очень высокие награды, Алексей. Они даются за героизм и подвиги.

Алексей Добров *(улыбнувшись)*. Бомбическая сила! Да он был настоящий герой не только в годы войны, а много после нее. *(Гордо.)* Командир танка, старший лейтенант – Афанасий Добров. Когда взвод потерял много танков в тяжелом бою, пришло известие, что

в сторону штаба соединения двигается большая колонна немецких танков. Послав БТ-7 с донесением, дед остался один и решил сам перехватить противника. Он вышел к шоссе и встал на обочине, чуть высунув из кустов пушку. Восемнадцать танков со свастикой заметили его, когда дед уже открыл огонь. С близкой дистанции им был нанесен удар по головной, а потом по замыкающей бронемашине, наглухо закупорив движение колонны. В быстром бою он уничтожил семь танков и скрылся перелесками. Его подвиг спас от гибели целый полк, позволив избежать окружения.

К сожалению, в одном из боев он получил тяжелейшее ранение и... потерял зрение. (Пауза.) Я очень горжусь им.

(Алексей снова улыбнулся.) В госпитале за ним ухаживала совсем еще «зеленая» медсестричка Злата, которая, не побоявшись трудностей, стала его женой... и была его глазами все 55 лет, что они были вместе. Дед всегда говорил, что настоящий подвиг совершила именно она... подвиг длиной в жизнь.

Оксана Прилужная (удивленно). Я николи цього не слыхала ранише... Лёша.

Алексей Добров. Не хотела слышать, Ксан. Не хотела. Мой дед прошел почти всю войну и умер счастливым... от того, что жертвы его были не напрасны и помогли избавить мир от гнилого фашизма. Поэтому я «завтра» возьму в руки оружие! Чтобы мой дед спал спокойно... а мои дети никогда не прятали в кармане медалей героев.

Андрей Гнилюк. Да заткнитесь! Мужики вы уже или нет! Дайте хоть глоток воды! Во рту пересохло от вашей сладострастной пошлятины! М-м-м... ногу-то как дерет! Слышь, военкор, дай еще обезболивающее.

Глеб Дубник (Андрею). Не скули, щенок, будь мужиком.

Оксана Прилужная (обессиленно). А води немає. Так и помремо тут живцем. И воздуху зовсим немає. Дихати ничем...

Знаменосцев. Ничего, Оксана. Потерпите. *НАШИ СВОИХ НЕ БРОСАЮТ.*

Кира Яновна. Глеб Егорович, вы ведь говорили, что тоже *ПЕРЕЖИЛИ* войну...

Знаменосцев. Да... пережил здесь в Мариуполе под гитлеровской оккупацией. С 8 октября 1941-го по 10 сентября 1943-го. За это время я, без преувеличения, повзрослел на 10 лет.

Мне уже 87... а я все еще каждый вечер, ложась спать, закрываю глаза и во мне просыпается тот самый шестилетний пацан, которого частыми бессонными ночами посещают такие же мальчишки и девчонки, как я... только зверски изувеченные и убитые

нацистами (*кивнул на Андрия*) с нашивками черного креста с загнутыми концами... За все то время я видел сотни жутких смертей, но я не знаю, почему мне снятся только дети... наверное, потому, что всякий раз от дикого страха я примерял на себя их страшные смерти...

С первого дня, как немцы вошли в город, они поселились, в том числе, и в нашем доме. А нам с матерью и дедом пришлось переселиться в холодный сырой подвал. Мое знакомство с фашистами началось с того... что этим же вечером, нализавшись шнапса, самый изуверский из них – Корбл – решил поразвлечься... проверяя «советского мальчика» на хваленую «русскую» прочность. Все мы – люди не арийского происхождения – для них были «красный Иван» и «русская свинья»... даже представители неславянских народов. Так вот, этот фриц вытащил меня из повала под истошные крики матери, которую он отключил одним ударом приклада, и под улюлюканье остальных «гансов»... повесил меня на яблоне.

Оксана Прилужная. Я-як повисив?

Знаменосцев. Повесил... обмотав мою шею своим шарфом. Они стояли и гоготали, глядя как мальчишка борется за жизнь, извиваясь словно червяк и цепляясь ручонками за удавку на шее. Когда дед перерезал шарф серпом, я уже потерял сознание. Мой дед спас мне жизнь, за что поплатился одним пальцем на левой руке, который ему отрубил топором Корбл за то, что тот осмелился прервать их развлечение.

Потом начались самые ужасные для меня две недели. Если честно... непонятно, как детская психика смогла это выдержать. Я слышал, что каждый день немцы сжигали дотла по два-три хутора, полностью истребляя жителей, придумывая изощренные способы геноцида. Скоро дошла очередь и до нас.

Самые первые смерти, которые я увидел, это наша соседка тетя Аня и ее трехлетний сын Иван. Их просто живьем бросили в глубокий колодец с ледяной водой...

Потом был Саня Осокин, который стащил с немецкого стола пакет с конфетами и раздал другим ребятам. Немец лаской выудил у него имена, затем собрал всех восьмерых детишек, вывел в поле и расстрелял...

В один из дней по селу бегала и голосила сошедшая с ума учительница Янина Гордеевна. Ее новорожденному младенцу фашист просто раздавил голову кожаным маршевым сапогом, двойная подошва которых закреплялась металлическими шестигранными гвоздями... Наступил и растер по деревянным половицам.

Кира Яновна. Егор Тимофеевич... разве человек может *ТАК*?

Знаменосцев. Может, дочка. Оказывается, *НАЦИСТ* может. Наш сосед ушел в партизаны, и, чтобы узнать информацию о нем, немцы вытащили его жену на улицу и на ее глазах отрезали у Нины и Гришки уши. Потом мальчику выкололи глаза, а девочку

лишили пальцев. Не выдержав пыток, Ниночка скончалась от разрыва сердца. Я стоял за забором, глядел сквозь доски, а горло свело спазмом от немого крика. Понадобилось три месяца, чтобы я снова стал говорить...

Пьяная фашистская нечисть душила, травила ядом, расстреливала, разрывала на части, сжигала, топила, искалывала ножами и заживо хоронили стариков, женщин и детей... потому что все мужчины ушли на фронт. У детей брали кровь в огромных количествах для раненых немцев, и многие из малышей не выдерживали и умирали прямо под капельницами. Опьяненных кровью садистов было уже не остановить...

Глеб Дубник. Как же вы выжили, Егор Тимофеевич.

Знаменосцев. Меня снова спас дед. Молчаливый стойкий русский человек. Ему хватило мужества не броситься на оголтелого головореза, застрелившего мою мать. Под покровом ночи он взял меня в охапку, и мы двинулись в лес к партизанам.

Мы шли по промерзлой зимней дороге, и, когда отошли дальше от города, мое детское сердце застыло от ужаса. Днем ранее немцы угнали из города почти всех женщин. Было очевидно, что многие малыши продолжали бежать за своими матерями... Их трупы встречались по обе стороны дороги... с простреленными ранами, с кровоточащими разбитыми головами. Но я навсегда запомнил мать, лежащую на снегу, и приколотого штыком к ее сердцу... ребенка.

ПАУЗА. ТИШИНА.

Андрей Гнилюк. Дед, а ты как хотел? Борьба за выживание.

Знаменосцев. Нет... Андрей Гнилюк. Борьба – это когда в честном бою. Все остальное – психическая неистовая бесчеловечность. Мы с тобой тоже будем бороться, но *ТАМ* (указал пальцем на дверь) при равных условиях. Хотя легко могли бы сейчас заставить тебя замолчать... навсегда. Но в том наша сила духа – что *МЫ* не *ВЫ*. И никогда такими не будем. Режь нас на куски! Не будем! Встанем друг за друга, как брат за брата, как отец за сына!

А дед мой крови-то нацистам попил. Боялись они его как черт лаdana. После себя везде он оставлял пометку в виде символа **Z** – Знаменосцев Егор Тимофеевич, с позывным «ЗЕТ».

Алексей Добров. Наверное, по инициалам? Знаменосцев Егор Тимофеевич?

Знаменосцев (улыбнулся). Да. Совершенно верно. Я получился его полным тезкой. Когда учился на физмате, сокурсники называли меня не иначе как **Z**. А начал преподавать,

то и студенты негласно подхватили эту традицию.

Но дед всегда со мной. *(Одними губами улыбнулся Егор Тимофеевич.)* Это его телогрейка. Все, что я взял с собой в подвал. *(Знаменосцев растянул пуговицы и распахнул ватник, внутренняя сторона которого была усыпана орденами и медалями.)* Настоящие! Политые кровью... Не сломленного солдата, истинного патриота своей Родины с позывным «Z»!

ПАУЗА

Глеб Дубник. Фиу-у! *(Присвистнул Глеб и стал разглядывать медали. Алексей Добров присоединился к нему.)*

Знаменосцев: И жил как человек. И погиб как герой.

Оксана Прилужная. Це було пид час Великої Ветчизняної війни... а ми живцем померемо в підвалі! Егор Тимофійович, що ви там все время стружете?! Вам все одно, що ми, можливо, не вийдемо отсюда никогда?!

Знаменосцев. Выйдем, Оксана. Обязательно выйдем отсюда. *(Отряхивая фигурку от стружки.)* Держи, дочка, это – символ мира. Ной выпустил именно голубя из своего ковчега, чтобы убедиться в окончании Великого потопа. Он трижды открывал для него окно. В первый раз птица не увидела суши и вернулась. Во второй раз возвратилась с масленичным листом, значит, нашла островки суши. В третий раз и вовсе не возвратилась, ведь суши стало достаточно для жизни. С тех пор голубь стал знаком примирения **БОГА** и человека. *(Егор Тимофеевич протянул фигурку голубя Оксане.)* Это вашим детям. Ведь **МИР** начинается с детей.

Оксана Прилужная *(взяла голубку в руки. Слезно).* Як страшно так вмирати... Якшо Бог є чому ми замкнени тут? *(Обвела руками подвал. Сорвалась на крик.)* Не вірю я вже в вашого Бога!

Неожиданно послышался громкий шум. В подвале все одновременно подняли головы вверх.

ГОЛОСА:

- Сюда! Мужики! Черт! Тут вход плитой сверху накрыло и завалило.
- К двери вообще не подобраться. Глухо! Только отсюда!
- Пока не убедимся, что в подвале никого... не двинемся дальше ни на шаг!
- Своих не бросаем! Это Россия!
- Ахмат сила! Аллаху акбар!
- Эй!!! Есть кто в подвале?! АУ!

Знаменосцев. НАШИ!

Оксана Прилужная. Ми тут!!! Тут е люди!!! АУ-У-У! *(Голос уходит в эхо.)* Леша!
(Бросается к Алексею.)

Сильный стук сверху. Слышно, как пытаются разбить плиту тяжелыми кувалдами.

Андрей Гнилюк. Повезло вам, москали. Только запомните, век ваш не долог. Когда не будет России, придет наше время. Чуете, что это значит?

Знаменосцев. Чуем. Это значит, ваше время не придет никогда!

Затемняется задняя часть сцены, где происходит эвакуация из подвала. Глеб выходит на передний план. Он удрученно подошел к Знаменосцеву, сел рядом и, уронив голову на руки, глухо застонал.

Знаменосцев *(положил ладонь Глебу на плечо).* Что ж ты, милый друг, не весел, что ты голову повесил?

Глеб Дубник. Тяжко, Егор Тимофеевич. Впереди у нас трудный путь, и я понимаю, что еще много отчего приду в тихий шок за время освобождения братского украинского народа от нацизма. Но для меня Кира Яновна навсегда останется таким же «СТРАШНЫМ СИМВОЛОМ» этой войны, как для вас ваши воспоминания... *(Знаменосцев вопросительно приподнял брови, ожидая от Глеба пояснений.)*

Видел я ее девочку... Кире Яновне придется это пережить... **НАМ ВСЕМ ПРИДЕТСЯ МНОГОЕ ПЕРЕЖИТЬ...**

Глеб со злостью взъерошил свои волосы, вскочил со стула и, горько махнув рукой, скрылся в темноте.

Знаменосцев поднимается на ноги. Свет, словно луч сверху, освещает его фигуру.

Знаменосцев (монолог). Ну, здравствуй *(поднял глаза вверх, пауза)*, дед.

Как увидел я Глеба с нашивкой «Z», сразу понял, что **ТЫ** здесь. *(Вздохнул.)* Видишь, как оно вышло-то... Опять подняла голову фашистская нечисть. Издевается над народом. Зверствует. Сгубить нас живьем пытается нацизм проклятый, не щадя ни наших сынов, ни чужих. А самое скверное – мы снова **ОДНИ**. Даже те страны, что вашими жизнями свою свободу получили, смерти нашей желают. Историю общую забыть пытаются.

Но ты не бойсь. Ты, дед, извинись там перед всеми нашими... перед всеми 27

миллионами павшими и передай, что никогда не сотрется *ПАМЯТЬ* наша людская. А держава наша вечна! Стояли и стоять мы за это будем насмерть. Кто на поле боя с мечом, кто пером острым журналистским, а кто сердцем своим милосердным. Каждый на своем месте будет бороться. И нет такой силы, что народ наш с праведного пути собьет.

А про Украину я тебе так скажу. Не сестра она вовсе России... не сестра. А дочь кровная – от своей матери с куском мяса оторванная. Кровоточит сейчас рана безбожно, помощи ждет. Видать, мир так устроен, что младый всегда норовит старшего поучать. Что с них взять? Такова участь родительская – ошибки детей своих исправлять. Жаль, цена высока. Но сдюжит наша Родина, дед. На то она и МАТЬ.

И вот ведь какая штука... Веками разные государства заморские, народы туземные, умы величайшие тужатся, пытаются разгадать загадку непосильную – в чем сила РОССИИ?

Но мы-то с тобой (*снова посмотрел вверх, обращаясь вверх*), дед, знаем ответ. СИЛА РОССИИ (*обвел зал глазами*) в ее НАРОДЕ!

Мы всегда будем помнить... Наше дело правое! Победа будет за нами!

С нами БОГ! (*Перекрестился.*) Да будет воля ТВОЯ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

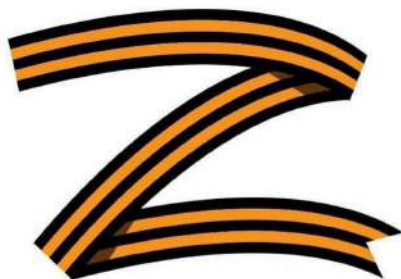
Действие 1.

Сегодня, завтра... вчера4 стр

Действие 2.

Своих не бросаем40 стр

КАРИМОВА Ю.
ШУМИЛИН О.

«Z.E.T.»

**пьеса для театра
в 2-х действиях**

Верстка – Юрченко В.Ю.
Корректор – Шамордина Л.В.

Формат 60х84/16
Усл. печ. 60*90/16 39,4
Тираж 20
Заказ № 195

Издательство «Полиарт»
460000, г. Оренбург,
ул. Плеханова, 13
тел. (3532) 25-33-60

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

СОЮЗ «ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ
ПАЛАТА ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ»

UNION CHAMBER OF COMMERCE AND
INDUSTRY OF THE ORENBURG REGION

АВТОРСКИЙ СЕРТИФИКАТ

№ 948-АП-093

На основании Закона Российской Федерации № 5340-1 от 07.07.1993 года
«О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации» и
Гражданского кодекса Российской Федерации (Части четвертой)
от 18.12.2006 года № 230-ФЗ

Союз «Торгово-промышленная палата Оренбургской области»
выдал настоящий сертификат,
подтверждающий авторские права на произведения:

Пьеса «Z.E.T.»

**Авторы: Каримова Юлия Аликовна,
Шумилин Олег Михайлович**

Заявка № 74. Приоритет заявки **15 июня 2022 года.**
Зарегистрирован на основании Отчета о результатах
исследования охраноспособности произведений
№ 948-АП от 16 июня 2022 г.

Вице-президент
Союза «ТПП Оренбургской области»

В.С. Желанов

